

18+

Олег Ёлинин

Сорняки

Олег Ёлшин

Сорняки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523683

ISBN 9785005194695

Аннотация

На планете вспыхивает внезапная эпидемия, человечество гибнет, в живых остаются только дети. Прошло время – дети выросли...

Содержание

Часть 1	5
1	6
2	24
3	51
4	63
5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Сорняки

Олег Ёлшин

© Олег Ёлшин, 2020

ISBN 978-5-0051-9469-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

Он мчался по раскаленной от летней жары улице, с легкостью преодолевая километры пути. От стен домов и сохранившихся кое-где оконных стекол отражалось яркое солнце, но оно не слепило глаза, шлем надежно защищал, выбрав синее-матовое затемнение. Если посмотреть на юношу сверху, можно было заметить, что он невероятно красив, напоминал солнечного зайчика, направленного невинной детской рукой. В каждом движении угадывался азарт, восторг от невероятной гонки. Его длинные волосы развевались на ветру, сильные ноги едва касались дорожной пыли. Временами казалось, что он летит, словно за спиной выросли крылья. Что волнует его, что несет так безоглядно и стремительно вперед? Что видит он сквозь тонкую пластиковую маску, закрывающую верхнюю половину лица? А еще было бы интересно прочитать его мысли...

Навигатор уверенно подсказывал направление, вернее, как всегда врал, а Бродилка ликовала, подбадривая восторженными лайками. В этот миг за ним наблюдали тысячи, может быть, десятки тысяч и он знал об этом. Экран шлема, создавая причудливую голограмму, показывал пеструю картинку маршрута. Несколько минут назад Бродилка сбросила оповещение «Чужой», и десятки охотников устремились в погоню, а цель металась где-то на окраине города. Но сеть

не давала этой маленькой точке скрыться, значит, догнать ее будет лишь вопросом времени. Он любил эту игру, давно ее ждал, и вот она началась. Никакая другая гонка не могла бы сравниться с этой. А еще он чувствовал, что на этот раз окажется лучше других. Кстати о других. И посмотрел в уголок голограммы, где список участников рос на глазах. Ближе всех к цели находился Шакал. Всего пара улиц, и он окажется на месте. Но навигатор врал, а Шакал об этом не догадывался. Ленив он был этот Шакал – не следил за информацией, действовал предсказуемо. Сейчас он свернет в квартал, где третий день полыхает пожар. Туда в течение нескольких месяцев свозили мусор, который потом кто-то из забавы поджег, и все вокруг превратилось в огненное месиво. Точно. На экране появилось изображение места, где Шакал в нерешительности замер. Теперь ему придется возвращаться, начиная преследование с самого начала. Остальные охотники были дальше. Значит, на этот раз он опередит всех. И в душе приятно затрепетало. А наушники уже разрывали барабанные перепонки криками подписчиков и подписчиц. (Вторых было несравненно больше.)

Он недавно вошел в игру, уверенно зарабатывал очки, быстро преодолел уровень чайника, потом новичка, мастера, наконец добрался до эксперта, становясь лучшим, и сейчас снова докажет это. Ведь, не зря его ник был: «Стайер». Не важно, где ты находишься, главное самую длинную дистанцию превратить в короткий и верный маршрут,

в остальном дело за сильными ногами и тренированным телом. А Шакал? Ленивый увалень ваш Шакал!

Стайер в последний раз оценил расположение игроков и без оглядки устремился вперед. Оставалось запрыгнуть в зияющий проем разбитого окна, пробежать по второму этажу полуразрушенного здания и появиться с противоположной стороны прямо за спиной Чужака. В ушах стоял нарастающий гул, его поддерживала уже добрая половина сети, но некогда было следить за статистикой – считать лайки, читать комментарии. Вечером после игры он сядет в каком-нибудь баре и пересмотрит гонку. Мимо будут проходить друзья, подруги, которых он толком не знал. Вернее, не считал в своем профиле. (В последнее время на него подписывались тысячами.) Его будут узнавать, хлопать по плечу, что-то говорить. Неважно – что. И так до поздней ночи. Как он любил эту игру! А больше ничего и нет, – подумал он, спрыгивая со второго этажа за спиной у Чужака, который его не ждал. Вернее, ждал, но не отсюда.

Стайер снова проверил позиции охотников. Черные точки на экране голограммы приближались с разных сторон. Ближайшая окажется здесь минуты через четыре, значит, время есть, можно понаблюдать. Когда еще доведется оказаться так близко к противнику? Обычно отрыв был не таким большим – все решали секунды, сегодня повезло – у него было в запасе целых несколько минут.

Чужой сидел на земле и чем-то там занимался. Движе-

ния его были судорожными, неловкими. Экран шлема придавал зрелищу уродливые очертания. В эту минуту перед Стайером находился монстр, который извивался по земле и не знал, что за спиной кто-то есть! Что за ним уже пришли! Вот глупый! Ничтожное создание!...

Время? Через три минуты появится голодный жирный Шакал. Смешно! А затем прибегут эти красотки. Крики фанатов тем временем становились все громче – они торопили, зрители ждали финала забавной игры, где скоро будет поставлена последняя точка...

Две минуты. Еще немного и пора будет начинать! Вернее, кончать! Стайер снова уставился на Чужого. Он нарочно оттягивал. Такое везение случается редко, сейчас он был доволен собой. Его колотило от возбуждения, словно забрался на высокую гору, был на ее пике и был первым. Пока не привык к этому состоянию, как не привык проигрывать, хотя раньше такое случалось. Поэтому время это хотелось растянуть, остановить. Но глаза уже застилала пелена нетерпения. Этот миг для охотника – вершина, ради него он живет. Когда на тебя смотрят тысячи – почувствуй радость, а потом сделай бросок, и ты победил. Осталась минута! Пора!

И тут Чужой его заметил. Он резко обернулся, нелепо дернул конечностью и увесистый булыжник, перелетев небольшое расстояние, попал по касательной в шлем, который тут же слетел с головы, оставив Стайера один на один с этим типом. Вернее, с глазами, которые на него тарасились. Стай-

ер опешил. Перед ним был человек! Обыкновенный человек! У бедолаги не было шлема, значит, навигатор не показывал направления, сеть не давала информации куда бежать, был он словно слепой. Словно муха, упавшая в воду, или жук, заблудившийся в высокой траве. Потрогав ушибленную голову, Стайер подумал: – Сбить шлем это уже наглость, такого раньше не случалось, пора кончать, – и поднял биту. Оставалось дело за малым. Вдруг увидел, чем все это время занимался Чужак. Тот зачем-то кирпичом бил по своему колену. Иногда острыми краями царапал бедро. Но, бросив взгляд на битую Стайера, снова замер. Казался он жалким, ничтожным, зрелище было отвратительным. И тут Чужак заговорил:

– Зачем ты делаешь это?

– Не понял? – удивился Стайер. Снова эти глаза. Они смотрят пристально, с болью, отчаянием.

– Что я тебе сделал? – продолжал тот. Стайер не привык разговаривать с Чужаками! Он вообще не знал, что это люди. Дело охотника – дистанция, где нужно всех опередить, в этом смысл игры, потом коснуться битой – и ты победил.

– Идиот, ты мишень! Это игра такая, не понимаешь? – весело воскликнул Стайер. – Ты Чужой! За тобой гонится весь город! Что расселся?! Беги!

– Тебе я что сделал? – повторил Чужак. Опять эти глаза. Они смотрят внимательно, сверлят, не дают покоя. Стайер не видел раньше людей без шлемов. И глаз таких не видел.

Иногда снимал его ночью, когда спал с какой-нибудь девчонкой, но это совсем другое. Да и не смотрел он им в глаза. Зачем? Но тут...

– Такие правила, – ответил он, почему-то опустив биту. Небольшая пауза повисла на пустынной улице, где светило яркое солнце и разгуливал ветер, разгоняя мусор и пыль.

– Я чего-то не понял, ты бросать будешь или как? – раздался знакомый голос. Неподалеку стоял Шакал. Он уже давно появился и тупо наблюдал, раздумывая, что ему делать. Бросать первым? Нельзя. Нет, конечно, можно. Но не он догнал Чужака. Засмеют! Вся Бродилка, весь город будет ухохатываться. За ними наблюдают тысячи. И Шакал с ненавистью уставился на Стайера, который в последнее время его опережал.

– Чего тянешь, щенок? – крикнул он, сплюнув, – оказался на халяву ближе всех – так кончай! – и от души выругался. Стайер поднял биту, отступил на шаг, но снова замер. Этот незнакомец, этот странный тип смотрел на него дурацкими глазами, а все вокруг было в реальном отображении: и лучи солнца, которые непривычно слепили, и обшарпанные стены домов. Все это убожество больше не скрывал волшебный шлем, превращая безобразную реальность в веселую картинку. Но главное – Чужак, который больше не напоминал монстра. По ноге его тонкой струйкой текла кровь – настоящая, без ретуши. Был он жалок и слаб. Был для всех в городе, вернее в сети, как на ладони. Этот странный тип

не смог убежать, защитить себя. Даже не попытался этого сделать. И в такое ничтожество бросать битую?...

Вдруг Стайер понял, что не сможет! Но он делал это много раз, получал законное удовольствие! В чем же дело?! Вокруг уже собралась толпа игроков. И тут стало легко и просто – в глазах Чужака промелькнул страх. Нет, ужас, которого раньше Стайер не видел, да и не мог видеть – все в жизни происходило за надежным пластиком шлема, который рисовал в Чужаках монстров, врагов. (Это был чудесный шлем.) А сейчас перед ним был просто человек. Ничтожный, жалкий, с кровью на коленке. Но стало легче. Страх Чужого помогал, торопил, придавая силы, будил желания, порождая агрессию, но главное – возвращал в игру. Чужак тем временем спиной начал пятиться к стене. Упал, снова встал. А вокруг слышались крики игроков:

– Кончай! Чего ты ждешь? Давай, братан, мочи его!

Но Стайер ждал. Чего-то не хватало. Чужак, схватив с земли огромный ржавый кирпич, опять запустил им в Стайера. Попал в ногу. Было больно, но стало совсем легко, и тренированная рука сделала верное движение. Бросок не был сильным, Чужак почти ничего не почувствовал – Стайер знал это. Но игра была закончена. Он победил. Снова победил...

Хотел было поднять с земли шлем, который все это время верещал: «Немедленно наденьте шлем!», – но не успел. Увидел, как... Охотник никогда не добивает жертву. Эта рабо-

та для других. Законное право для девиц (называют их Мезонками). Они тоже учувствуют и побеждают, получая лайки и призы. Девчонки в шлемах (совсем еще юные создания) принялись с победными криками бросать в Чужака биты. Жертва от ударов корчилась, пыталась увернуться, но Мезонки подходили все ближе, снова брали в руки свое нехитрое оружие, продолжая забавную игру. Чужак что-то орал, дергался, пытался встать, бежать, но Мезонки настигали его точными бросками. В своем безумии эти девицы были чертовски красивы. Так было всегда. Но что-то не укладывалось в голове. Теперь они казались безобразными. Наконец, самая мелкая (на вид ей было лет 15, скорее всего, была она ровесницей Эры Сокращения) спокойно подошла к жертве, подняла с земли кусок арматуры и ударила Чужака по голове, откуда брызнуло серенькое жидкое месиво...

Содержимое желудка рванулось наружу. Стайер встал на колени и долго раскачивался, пока его тошнило. Спустя какое-то время услышал нежный голосок:

– Съел что-то плохое?

Юная Мезонка стояла рядом, протягивая ему оброненный шлем. На ней был надет такой же, сквозь который сияли улыбающиеся глаза. Взгляд был светлым, ликующим. Видимо, ее впервые взяли в игру, дали возможность закончить, и она была счастлива!

– А ты ничего, прикольный такой, классный, – невинно произнесла девушка, – хочешь зафрендимся, потусим, вре-

мя проведем?

Он выхватил из ее рук шлем, натянув его на голову. Все встало на свои места. Неподалеку лежало поверженное существо. Напоминало оно чудовище, растекшееся синими причудливыми очертаниями спрута. Спрута, нарисованного жирной, неряшливой краской по экрану. Но главное – не было никаких глаз! А перед ним стояла шикарная девица. Она отличалась от той, которую он только что видел без шлема, тоже была прикольной, с отличной фигуркой, длинными ногами. Короче, было с кем провести вечер, стоило только захотеть...

– Зафрендимся? – повторила она.

Он равнодушно посмотрел – была она младше его года на три. На целую вечность!

– Мала еще, сюська, подрастешь – приходи, – буркнул он и зашагал прочь, а из наушников слышался треск голосов, визги поклонниц и перезвон виртуальных монет. Посмотрел в уголок голограммы, сосчитав коины за победу. Присвистнул – законный бонус от Бродилки уже свалился на его аккаунт, плюс к этому продолжали сыпаться лайки и подарки фанатов, конвертируемые по курсу, и снова коины. Кругленькая сумма! Несколько месяцев можно будет ничего не делать в ожидании следующей игры.

– Игры? – вдруг подумал он, медленно шагая. – Да, прикольной и веселой игры...

Вечер не задался. Он переходил из одного бара в другой,

с Тридцать Пятой на Двадцать Восьмую, потом на Двадцать Четвертую. Угрюмо пил, тупо смотрел по сторонам. Его узнавали, подходили, что-то говорили, но в основном доставали в сети – личка уже взрывалась от сообщений. Он вяло отвечал, натужно улыбался и шел дальше. (Как буд-то от них можно было отделаться.) Наконец, устроившись в тошниловке рядом со своим домом, где почти никого не было, попросил знакомую официантку по имени Клюква что-нибудь налить и приготовить бургер.

– С чем? – ласково спросила она, зная, что сегодня он герой. Он самый крутой парень на их улице. Да, что там – на весь город!

– Не знаю, – буркнул он, – без разницы, на твой вкус.

– Хочешь, распечатаю с запахом бекона?

– Валяй с беконом, – согласился Стайер.

– Могу сладкий. Хочешь сладкий? Будет пахнуть какао или шоколадом.

Разговаривала она с ним, как с ребенком. Хорошеньким славным ребенком.

– Клюква, я не знаю, мне все равно.

– Есть с клубникой.

Она немного помолчала, улыбнулась и добавила:

– И с клюквой. С клюковкой – сладкой, густой, кисленькой. Хочешь? Так, чтобы пробрало до мозгов. Кстати, я скоро освобожусь.

Он уставился на ее улыбающийся шлем, перевел взгляд

ниже, где под короткой кофточкой при каждом сладостном вздохе томно вздымалось ее желание, вернее два желания. Они были упругими, были напряжены и откровенны. Они настойчиво просились наружу, требуя внимания, ласки и тепла.

Клюква была из стариков. Было ей около двадцати девяти. Совсем старуха! Но ничто человеческое ей не чуждо! – подумал он. В начале Эры Сокращения она была одной из самых старших. Значит, была опытнее его на добрый десяток лет. Но, несмотря на преклонный возраст, выглядела классно. Иногда он проводил с ней время, хотя вокруг было полно молоденьких девиц. Ничего не скажешь, Клюква была супер – и она не раз доказывала это. Но сейчас...

– Клюква, сегодня я тебя не хочу, – честно признался он.

Она совсем не обиделась и произнесла:

– Тогда с беконом?

– С ним. И плесни мне.

– Конечно.

Клюква поднесла к его шлему аппаратик, на котором набрала заказ. Тот мигнул крошечной лампочкой, а в уголке экрана появилась списанная сумма коинов. Ничтожная сумма, по-сравнению с той, которая оставалась у него на счете.

Потом Стайер тупо наблюдал за тем, как Клюква готовит ему ужин. Она достала канистру, откуда в стакан плеснула прозрачной жидкости, капнула из одной бутылочки зеленого, из другой красного, понюхала, разбавила водой, наконец,

все взболтала и поднесла к столу. Клюква знала его вкус – он не любил крепкого, стараясь не терять головы. Затем она подошла к шкафу, достав банку с надписью «Еда», из которой в миску плюхнула желеобразную серую массу. Количество было приличным – Клюква не пожадничала – бургер получится зачетным. Посыпала коричневой добавкой, добавила что-то еще. Что, он не знал – но в своем деле Клюква была мастерица. (Впрочем, не только в этом.) Миксером все перемешала и направилась к принтеру, откуда через пару минут явился горячий огромный ароматный бутерброд. Но есть не хотелось...

Мочалка возникла неожиданно. Была она чем-то встревожена, вела себя странно, даже вызывающе. Впрочем, к ее выкрутасам он давно привык. Была она его постоянной девчонкой уже почти два месяца. Срок невероятный, но он не возражал. С ней не было скучно. Веселая она была. Немного дикая, но ему нравилась. А сейчас какая-то тень застыла на ее лице.

– Закажи мне пару бутербродов, – нагло произнесла девушка и подозвала Клюкву. Та приняла заказ, Мочалка кивнула Стайеру:

– Заплати!

И никакой радости во взгляде, гордости за своего парня. Вся сеть его поздравляет – этой все равно!

– А сама? – спросил он.

– Я на мели.

Клюква вопросительно посмотрела на Стайера, тогда он снисходительно кивнул, позволив списать со своего счета жалкую мелочь. Когда та отошла, Мочалка зло произнесла:

– У меня залет.

– Да ну? – раньше ему с этим встречаться не приходилось. Что-то об этом слышал, но толком ничего не знал. Единственное, что ему было известно – такое случается редко. Еще говорили, что это опасно, и как сейчас себя вести с ней, он не понимал. И чего лезет со своими проблемами? – вдруг подумал Стайер. – Не до нее.

– Врешь? – только и произнес он.

– Без дураков, – ответила она. – Поговорила со старухами. Сказали, что такое бывает. Редко, но случается.

– И что?

– Боюсь.

– Слышал – нужно сделать простую вещь...

– Мне сказали. Дали адрес, – нервно перебила она.

– Что сказали?

– Сдать эмбрион.

– Так сдай и дело с концом.

– Боюсь.

– Дура. Говорят, там еще приплатят.

Об этом он тоже где-то слышал, но что такое этот эмбрион – не представлял. Да и зачем мужчине забивать голову всякой ерундой?

– Говорят, – нервно ответила она.

– Ну вот.

– Все равно боюсь.

– Когда это нужно делать? – спросил он, сам не зная зачем.

– Вчера! Чем раньше – тем лучше!

– Так иди!

– Не могу, – и Мочалка заревела.

Он терпеть не мог девичьих слез. И жалости не терпел ни к себе, ни к кому другому, поэтому не знал, как реагировать. И к Чужому он жалости не терпел. Не понимал – что с ним сегодня случилось! – вспомнил он, и зло посмотрел на Мочалку. Она уже начинала его раздражать.

– Загнешься – ты этого хочешь? От такого копыта отбрасывают, – спокойно произнес он. Мочалка перестала плакать, застыла. Вдруг вскочила и затараторила:

– Да! Ты прав! Нужно идти?! Когда?

– Вчера! – засмеялся он.

– Конечно! Прямо сейчас. Мне дали адрес – там сидят круглые сутки.

– Все будет путем, – с облегчением вымолвил Стайер.

– Бутерброды, – у столика появилась Клюква. В руке она держала тарелку с едой.

– Не хочу. Не сейчас, – отмахнулась Мочалка. Но подумав, добавила: – Заверни с собой.

– Хорошо, – и Клюква удалилась.

Мочалка подождала, пока та вернется, взяла бутерброды, хотела уже идти, вдруг спросила:

– Случайно не знаешь, что такое этот эмбрион?

– Нет, – честно признался он. – Дрянь какая-то. Нужно просто от нее избавиться и все.

– Вот и я не знаю.

– Какая разница? – равнодушно вымолвил он.

– Ты прав, разницы никакой, ушла.

Стайер сидел за столиком долго. Иногда отпивал небольшой глоток, закусывал бургером, который никак не кончался, и не понимал, что с ним. Радости не было. Он отлично прошел сложный маршрут, опередил всех, избавил город от Чужака. И вспомнил надпись, светящуюся большими жирными буквами на экране: «Осторожно. Появился новый Чужой. Необходимо начать игру и уничтожить. Ставка... коинов». Чужого он догнал, сделал это мастерски, в конце концов, заработал кучу коинов, но что-то было не так. Он выполнил инструкцию, не нарушил ни одно из правил. Тогда в чем дело? Что-то свербит... Те прежние не задавали вопросов. Просто убегали, он их догонял. В конце игры всегда было ощущение победы, превосходства над врагом... Глаза! Он видел их в эту минуту. словно, это была не игра. И человек тот не был монстром, которого требовалось уничтожить. И кровь у него была настоящей. А Мезонка? Без шлема она казалась совсем ребенком. Но вспомнив, как она проломил парню череп, подумал: – Почему, чем они мельче, тем злее? Почему девицы ведут себя в играх куда круче парней? Ин-

тересно, смог бы он вот так – арматурой по голове?! Может и нет. Без шлема точно нет...

Пока еще не стемнело, ноги сами привели его в то место. Зачем пришел сюда, не понимал, теперь стоял и озирался. Здесь он спрыгнул со второго этажа. Здесь сидел Чужой. Стайер не понимал, что ищет. Вот кирпич, которым Чужой в него бросил в первый раз. Огромный булыжник равнодушно лежал на земле. Что дальше? Он зачем-то стащил с головы шлем. «Немедленно наденьте шлем!» – скомандовал тот. Стайер его не послушал, продолжая оглядываться. Без шлема все смотрелось по-другому. Вот кровь на бетонной балке, о которую Чужой споткнулся в последний раз, прежде чем ему проломили череп. (В шлеме этого бы он не заметил.) Она стекла с бетонной балки на землю, образовав лужицу. Стайер внимательно осматривал место, словно хотел что-то понять. Зачем он сюда притащился?! Это была просто игра, где Чужой был нарисованным монстром, которого по правилам нужно было уничтожить. (Что он и сделал!) Но, бурое пятно говорило об обратном. И парень замер, тупо уставившись прямо перед собой:

По земле ползли муравьи. Они что-то тащили. Куда, зачем? Тоже, наверное, зарабатывают муравьиные коины, – подумал он. Муравьи огибали пятно крови, не ступая в него. Заметил мух, которые смело прилипали к этому месту. Кровь высохла, и только красное пятно выдавало ее место-

положение. Мухам нравилось здесь. Эти ничего не тащили, получая неведомое наслаждение. Иногда отлетали, но возвращались, словно их сюда притягивало. Стайер долго за ними наблюдал. В шлеме их бы не заметил, но сейчас он видел все. Одна из мух, которой, видимо, надоело созерцание чужой крови и запах смерти, подскочила и ловко запрыгнула на другую муху. Та, оказавшись внизу, от неожиданности басом зажужжала, пытаясь сбросить наглеца, но быстро смирилась с этим положением, получая мушиное удовольствие. Так какое-то время в луже запекшейся крови они занимались любовью. А муравьи, жуки и прочая мелочь, огибая это место, продолжали топтать по своим насекомым делам.

Зачем он сюда пришел? Что ищет? – ответ он так и не нашел...

Пришел в себя, когда вернулся домой. К шлему подключил джойстик, упал на кровать, тихо придаваясь счастьем игры. Мог играть воображением, мысленно передавая точные команды – чудо-шлем прекрасно его понимал, он был способен на все, но хотелось занять руки. Игры менял, выбирая все новые и новые. В основном то были гонки. Потом перешел на ГПА. Здесь нужно было делать то же, что делал он несколько часов назад – мчаться и побеждать. Врагов было много. Появлялись они с разных сторон – выпрыгивали из окон, падали с неба, выбирались из-под земли. Стайер должен был их уничтожить. И он делал это. Стало хорошо, уютно. В такие минуты можно не думать ни о чем – скорость

не позволяет. Внимание сконцентрировано – тогда ты победишь. Это счастье, когда есть игра, в которой ты живешь.

И уже поздно ночью, выбрав спокойную аркаду, под нее и уснул. Все нормально, все хорошо, так и должно быть. Есть игра, девчонки и еда. Больше ничего и нет, – это последнее, что пришло на ум, прежде чем он растворился во сне...

2

Вчера уходя из бара, он прихватил немного выпивки а, проснувшись, решил обработать рану. Колено болело, Чужой расцарапал ему ногу кирпичом. Он плеснул на тряпку некрепкое пойло, приложил, немного подержал. И вдруг шлем, словно, умер. Шлем ослеп. Не было сети, не было никого. Казалось, в целом мире он остался совершенно один. Через мгновение на экране появилась надпись: «Нет сети. Немедленно проверьте настройки или обратитесь в тех. поддержку». Он стащил с головы шлем, начал его трясти, бить им о матрас, снова надевал, снимал, и так много раз, но тщетно.

Проклятый Чужой! – подумал он, не зная, что ему делать дальше. Нет сети – значит, он не может никого найти, его тоже никто не видит и не слышит. Не работает навигатор – придется слоняться по городу, вслепую выбирая маршрут. Нет доступа к аккаунту – его счет завис где-то в лабиринте сети. Теперь у него нет ни единого коина. Вернее есть, но воспользоваться ими он не может. Значит, он не может ничего! Даже найти чертову тех. поддержку он не знает как. А еще... Пожалуй, это было главным!... он не может играть! Только Бродилка давала такую замечательную возможность, теперь игры для него были недоступны! Вот попал, так попал!

Почувствовал – что-то мешает. Дурацкая надпись на экра-

не заслоняла видимость. Он сорвал шлем, оставшись совершенно беззащитным перед чужим диким миром, без информации, без денег, словно его раздели и подставили под жаркое солнце, которое нещадно палило за окном. Спустя мгновение шлем заверещал: – «Немедленно наденьте шлем!». Тогда он отключил звук.

Понимал одно – нужно что-то делать. Кроме того нестерпимо хотелось есть. Снова плеснул прозрачной жидкости на поцарапанное бедро, по инерции нацепил бесполезный шлем и выскочил на улицу...

Клюквы в кафе не было. Она закончила работать вчера поздней ночью, сейчас место ее занимала противная девушка. Маленькая, страшенькая и очень юная. Таких он не любил. Она чувствовала это и тоже не питала к нему симпатий, обычно молча обслуживала и отходила к другим столикам, противно улыбаясь кривым ртом. Называла она себя Малинкой. Между собой ребята дразнили ее Кислятинкой. Скорее всего, на вкус она такой и была – кто пробовал, тот не ошибся.

– Чего? – спросила она, принимая заказ.

– Бутерброд, – буркнул он и отвернулся.

– С чем?

– Без разницы, – и задумался, быстро забыв о девушке, но вскоре почувствовал на себе долгий пристальный взгляд.

– Что? – спросил он Малинку, которая уже несколько раз попыталась списать мелочь с его счета. Аппарат в ее руках

молчал, маленькая лампочка не загоралась.

– Не катит, – растерянно произнесла она, – я сейчас, – и девушка отошла к барной стойке, проверила там свой аппарат и вернулась.

– У меня все Ок! – сказала она, – у тебя на счете зеро?

– У меня? – возмутился он.

– Смотри сам, пойдем к терминалу.

– Не пойду, – буркнул он.

– Тогда, чем я могу помочь?

– Наверное, что-то сбоят, жрачку дай, вечером зайду – прокатаю твой счет.

– Я так не могу! – возразила Малинка, – без хозяйки...

Он окинул взглядом маленький бар, заметил посетителей, которые подозрительно на него уставились. Все они были в шлемах и его не узнавали. Словно видели впервые! Они не могут идентифицировать его аккаунт в сети, – понял Стайер. Снова услышал противный голос Малинки:

– Я тебя не вижу!

– Чего?! Я с десятков раз на неделе бываю здесь, а ты меня не видишь? – зло прорычал он. – Ты меня не знаешь?

– Странно. Знаю, но не вижу, – повторила она.

– Слушай, глюк какой-то, ерунда, дай мне жрачки, все равно какой, вечером я с Клюквой разберусь, вопрос решу. Просто дай мне пожевать.

– Но, я так не могу...

– Можешь! – жестко перебил он, и она в нерешительности

замерла.

– Послушай, а почему тебя зовут Малинкой? – сменил он тон. – Ты видела ее когда-нибудь?

– Нет, – и девушка подозрительно на него уставилась в ожидании подвоха. – Тебе какое дело?

– Может, решил зафрендиться.

На что она гордо ответила:

– По жизни никого не френжу – боты, копипастеры, спамеры – сразу в бан.

– Чего так? Ладно, не кипишуй. Я не спамер и не лузер какой последний. Ну и почему ты себя так назвала?

– Нет, ты не лузер, – ей было приятно, что охотник с ней заговорил. – Ну, ... на пищевой добавке так написано, название прикольное, вкус тоже, аватарка классная, – сказала это, но подозрение окончательно не исчезло с ее вытянутого лица.

– Давно хотел тебе сказать – мне тоже больше всего по вкусу Малинка. Запах отличный, ничего лучше я не пробовал. Да и ты вроде ничего.

– Спасибо, – смутилась Малинка, улыбнувшись. Ей редко говорили комплименты, обычно случалось это после того, как парни опрокинут не один стакан. После этих слов она сдалась.

– Хорошо, попробую, – тихо ответила девушка, и снова направилась к стойке. Из знакомой банки с надписью «Еда» положила на тарелку немного ее содержимого, подо-

шла к принтеру. Тот заурчал, но вдруг замер. Принтер тоже не работал. Девушка в растерянности замерла. На принтере появилась надпись. Малинка в испуге вынула приготовленную смесь и вернулась к Стайеру.

– Что там? – спросил он.

– Пишет – «Заказ не прошел». Просит ввести номер. Я не знаю... Такое в первый раз...

– Дай сюда, – сказал он, забирая у нее тарелку с серой массой.

– Ты будешь это есть? – ужаснулась девушка.

– Это еда?

– Ну...

– На банке что написано?

– Еда.

– Все, спасибо, потом заплачу, – и Малинка от него отстала.

Такое он ел впервые...

– Кислятина! – понеслось ей вдогонку.

– Ты что-то сказал? – обернулась она.

– Тебе послышалось, – едва сдержался Стайер.

Что это было – он не знал, ощущение было чудовищным. Словно рот набили грязью из невысохшей лужи. Он едва жевал, не в силах проглотить, уже начинал давиться. Когда понял, что сейчас его стошнит, чертыхнулся и покинул бар, зачем-то прихватив тарелку с собой, а безжалостное солнце брызнуло огненными лезвиями-лучами. Шлем больше не за-

щищал, бесполезно прикрывая глаза. Тогда он его снял...

Под ногами проскочила кошка. Много их развелось в последнее время. Стайер вывалил ей остатки «еды», та подошла, понюхала и шарахнулась в сторону. Потом обернулась, посмотрев на него, словно на идиота.

Отметил, что у кошки тоже есть глаза. Раньше он их не замечал, да и на кошек не смотрел.

Пора возвращаться в сеть, – подумал он, – иначе с этими кошками можно окончательно превратиться в дебила. Но, как? И тут в голову пришла отличная идея – нужно идти к Железу. Тот всегда помогал и сейчас не оставит в беде. Железо жил неподалеку, без навигатора не составило труда его найти. Дошел бы с закрытыми глазами.

Первое что увидел, войдя в его квартиру – несколько бутербродов, аккуратно разложенных на тарелке. Железо только что их купил, собираясь позавтракать. Они были еще теплыми. Стайер с жадностью набросился на еду, несмотря на возмущения друга.

– Железо, дай поесть – крошки не было со вчерашнего дня! – взмолился он.

– Мелкий, не называй меня Железом, – ответил тот. – Для тебя я брат. И всегда буду братом. Ты меня понял?

– Тогда не называй меня мелким, – беззлобно парировал он с набитым ртом. Железо действительно был ему братом. Сколько себя помнил – так он его называл еще с малолетства. Был он старше на 11 лет – совсем уже старик. В городе бы-

ли другие парни, которые называли себя так же. А еще были девчонки – сестры. Что это такое, Стайер не знал, но вопросы не задавал, не придавая этому значения. Помнил одно – когда-то они жили в одной квартире.

– Почему без шлема? Крышу снесло? – спросил брат. – Совсем мозги потерял?

– Затем и пришел. Посмотри – ты в этом дока. Не работает, – и увидел, как глаза брата загорелись.

– Давай, мелкий, что у тебя тут, поковыряем, все будет оки-доки!

Стайер протянул мертвый шлем, который опять заверещал: «Немедленно наденьте шлем».

– Да заткнись ты, – и брат отключит звук, что было бессмысленным. Через несколько минут шлем снова ожил, продолжая командовать. Это был чудо-шлем. В нужную минуту он всегда приходил на помощь. Сейчас его реплики казались назойливыми и бесполезными.

Это была тема брата. Он любил возиться с компьютерными железяками – пережитком прошлого, поэтому его Железом и называли. Брат взял шлем, отошел к столу, который был завален всяким хламом – непонятными приборами, деталями, проводами. Рабочее место лохматилось всевозможной ерундой. И на какое-то время он брата потерял. Тот, словно растворился в своей среде. Подключал проводами шлем к какому-то ящику, выбегал, появлялся снова. Прошло более часа. Наконец, брат утомился. Лицо его было

озабоченным, задумчивым.

– Не работает? – не выдержал Стайер.

– Ты понимаешь! – возмущенно воскликнул тот. – Заходишь в ослик – все висит. У меня висит!

– И что?

– Пингуешь, пингуешь – пакеты не проходят. Пипись-кер хрюкает и все. Можно только зашарить соседа. Завелся! Вставляю блин в блинницу, заливаю новые дрова, вожу крысой по крысодрому, кликаю батоны, плююсь в глаз, топчу кнопки, как чайник последний – веник крутится, а толку нет. Висим, мелкий! Висим!

– Сдох? – неуверенно поинтересовался Стайер.

– Думаю, нет – с железом все Ок – проверил. Может, троян?! С какого айпи пошел зомби – не понятно.

– И что?

– ИМХО... Думал, лохи запостили вредные скрипты. А может где-то конкретно сидит хозяин на мастере и управляет на зомби трояном. Хотя, мозги проверил – вроде чистые.

– Что теперь?

– Бери бочонок, иди на улицу искать дорогу. Может, где-нибудь зашаришь.

Стайер в растерянности встал.

– Стоп! Что с ногой? – спросил брат, заметив на дырявых джинсах Стайера красное пятно.

– Вчера Чужой кирпичом зацепил. Поцарапал... Немно-

го...

– Немного? Что же молчишь? Я тут на уши встал! Фурычит твой шлем, не в нем дело. Ты чип попортил.

– И что?

– В сервис тебе надо, там ребята помогут.

– А где он?

– Ща нароем, – и заглянул в экран своего шлема, – 78-я, пятый дом.

Стайер собрался было идти, вдруг спросил:

– Послушай, а кто такие Чужие?

Брат внимательно на него посмотрел, помолчал немного, потом ответил:

– Такое оповещение возникает в сети, когда нужно избавиться от беглеца, – заговорил он на человеческом языке. – Чужими называют тех, кто нарушил правила и без пропуска вышел за черту города, а потом, поняв, что жить там невозможно, вернулся. Но теперь его переводят в статус «Чужой»...

– Это живые люди?

– Ты этого не знал?

– Нет... А почему нельзя выходить из города?

– Правила такие.

– А почему там невозможно жить? Кто выдает этот пропуск?

– Все, иди, слишком много вопросов!

– Дай поиграть! – попросил Стайер. Сейчас ему необхо-

димом было немного времени провести в игре. В любой. Его уже начинало мутить.

– Катись.

– Качусь, – с сожалением вздохнул он.

– И тату сделай, – на прощанье бросил брат, – ходишь, как белая ворона, на человека не похож.

– Сам почему не сделаешь?

– Не хочу.

– Вот и я не хочу.

– Ну, попал! – думал он, шагая по улицам в отдаленный квартал города по адресу – 78-я, пятый дом. И вдруг слова брата всплыли в памяти: «ИСКАТЬ ДОРОГУ». В них был заложен какой-то магический, тайный смысл. Какой – он не понимал. На жаргоне они означали – ищи сеть. А на деле?... Все теперь так запуталось, казалось так непросто.

Раньше Стайер думал, что город знает хорошо, но скоро, неожиданно для себя заблудился. Спасительный шлем не подсказывал направления, все вокруг выглядело по-другому. Незнакомые дома, перекрестки – казалось, он видит их впервые. Город над ним, словно, издевался. Теперь это был лабиринт из улиц, переулков, которые кто-то как попало пронумеровал. Номера домов были хаотично разбросаны, словно их сняли со стен, бросили в корзину, тщательно перемешали и развесили заново. После 55-й шла 71-я, за ней явилась 52-я, потом 41-я, 42-я. В какой-то момент Стайер

понял, что ходит по кругу. А еще было безумно жарко. А еще ему до безумия не хватало главного – игры!

Играл он ежедневно. Как все жители города с радостью и восторгом по несколько часов предавался этому занятию, но сейчас на голове висел бесполезный шлем. Голограмма исчезла, экран ослеп. И он тоже ослеп, мучительно собираясь с мыслями. Игра помогала. Она выталкивала на поверхность, где было легко и просто, где не хотелось думать ни о чем, а без нее затягивало на глубину, там было неуютно, в сознании рождались непонятные мысли, воспоминания, являлись вопросы, которые мучили его. Но он не хотел на них отвечать! И сейчас ему казалось, если не возьмет в руки джойстик или воображением не заставит по экрану шлема летать дракона, или в невероятной гонке кого-то не убьет, погибнет сам. Сойдет с ума! Волю парализовало, тяжелые спазмы сдавливали мозги, выворачивая их наизнанку. В этот миг он согласен был на любую невинную игрушку – пусть даже для самых мелких и тупых – готов был кубики передвигать, стрелять, что-то бросать, но перед ним лишь раскаленная дорога, а на глазах мутный пыльный шлем. Он опять его снял, ненадолго замолчав ненавистный возглас: «Немедленно наденьте...». Шлем, казалось, над ним тоже издевался.

Прошел еще немного, устало сел, облокотившись о стену дома, осмотрелся. Вокруг сновали люди. Было их немного. Район казался бедным, неблагоустроенным. Здесь жили ребята, которые занимались нехитрыми делами, коины не рас-

пирали их электронные кошельки.

Может подойти к одному из них и отобрать шлем? – родилась спасительная мысль. – Или попросить дать немного поиграть? Это же так просто!

Стайер вскочил и подошел к одному типу:

– Эй, чувак, как там тебя, шлем поиграть дай?

Чувак от неожиданности остановился, посмотрел на него, вернее, сквозь него:

– Ты кто такой? Я тебя не вижу! Чужой что ли? Эй, братва! – крикнул он парням, находившимся неподалеку. Братву Стайер ждать не стал, выручили ноги, через минуту он уже был на другой улице. И откуда взялись силы? Эх! Еще вчера его узнавали в любой подворотне, а сегодня... Сегодня его не видели, не замечали. Вдалеке слышались невнятные выкрики, но преследовать его никто не собирался – сеть молчала. Она не отдавала приказа, не объявляла начала любимой охоты, впрочем, сеть тоже не видела его...

Надо поймать какого-нибудь мелкого – так будет проще, – подумал он. Пройдя еще немного, почувствовал, что ему стало совсем дурно – мутило, голова кружилась, руки дергались, словно искали джойстик. Понимал одно – он срочно должен играть. Снова уселся на землю, беспомощно озираясь. Неподалеку увидел стайку голубей. Птицы лениво расхаживали по траве, собирая крошки. Рядом находилась куча мусора и битого кирпича. Недолго думая, он схватил осколок застывшего цемента, прицелился и бросил. Не попал,

лишь испугал возмущенных птиц, которые вяло поднялись в воздух. Такого с ними раньше не случалось. Одно дело кошки, которых стоит бояться – те вечно караулят из-за угла. Но эти особи. Эти, так называемые, люди! Людей они не интересовали. Казалось, те вообще не видят их, едва не наступают. А этот камнем...

Очень скоро глупые птицы об опасности забыли, продолжая поиски в траве, а Стайер за ними внимательно следил. Теперь он был в игре, а значит должен победить! Или проиграть – не важно. Главное – он должен играть. Это было вопросом жизни. Исчезло полуобморочное состояние, мышцы напряглись, тело подобралось, готовясь к прыжку. Стайер немного выждал. Бросок. Мимо! Еще один! Еще! Проклятым птицам удавалось увернуться. Но, как такое возможно?! И вдруг понял – дело не в птицах, это он неточно бросает. Значит нужно подойти ближе. Ведь могут кошки без камней и бит их ловить. Чем он хуже этих тварей?

Еще ближе. И еще. Наконец цель оказалась почти у его ног. Тощая глупая птица, отбившись от стаи, тупо выискивала что-то в траве. Оставалось сделать бросок. Это так просто! – ликовал Стайер. – Тогда он победит!

Замахнулся... Заметил на ветвях дерева, стоящего неподалеку, двух ворон. Они внимательно за ним следили. И ждали. Чего? Когда несчастная жертва, распластав крылья, останется лежать в пыли. Умирая, она будет на него смотреть! Снова эти глаза! А в них боль и тоска. А еще в них застынет

дурацкий вопрос: «Что я тебе сделал?»

Стайер бросил взгляд на пернатых зрителей. Вороны продолжали смотреть, словно подначивая:

– Чего ты ждешь? Почему не бросаешь камень? Тогда ты победишь! Снова победишь и будешь на этой улице первым!

И вороны нетерпеливо ждали. Эти знают, когда и где им нужно появиться. Стайер снова посмотрел на свою жертву... Неожиданно для себя, отбросил в сторону камень, отряхнул с одежды пыль и поплелся дальше. Легче не стало. Наоборот. Он проиграл. Как давно с ним такого не случалось. Что за чертовщина творится второй день? – недоумевал он. Заметив бочку, полную дождевой воды, окунул в нее голову, погрузившись в мутную теплую жижу. Стало немного легче, можно было продолжать путь.

И снова хаотичная вереница номеров на домах, нескончаемый лабиринт, путаница, где он не может найти проклятую 78-ю. ИЩИ ДОРОГУ! – звучало в голове. – Где ее искать?!!

Нужный адрес находился рядом. Он знал это, чувствовал без навигатора, теперь ходил кругами, стараясь найти. Найти проклятую улицу! Но она от него пряталась.

Прошел еще несколько кварталов. Здесь людей уже не было вовсе. Район был заброшенным, в этом гиблом месте давно никто не жил. Электричества не было, воды тоже. Не было ничего и никого! Как здесь могла находиться тех. помощь – он не понимал. Даже собаки и кошки не бегали. Птиц, и тех не было видно. С момента, как он покинул квартиру брата,

прошло более шести часов – время подсказал шлем, на это он был способен. Стайер снова огляделся. На домах номеров теперь не было вовсе. Дыра! Дырявый район! – и он в растерянности остановился. А солнце уже начинало спускаться, отбрасывая от домов длинные черные тени. Скоро наступит вечер, следом придет ночь...

Ноги безвольно тащили его все дальше. Дойдя до угла полуразрушенного дома, вдруг услышал какой-то шум. Там были люди, было слышно множество голосов! Выскочив из дырявой улицы, он наткнулся на внушительную толпу, состоящую человек из сорока. С радостью отметил, что он у цели – ни на одном из этих ребят не было шлема. Такие же бедолаги! – понял Стайер. Находились здесь по большей части парни и девчонки его возраста, еще было несколько стариков лет тридцати. Все гомонили, стоя у двери, которую какой-то человек открывал. На Стайера никто внимания не обращал, и он, слившись с толпой, принялся вяло осматривать старинное здание-рухлядь, где находилась заветная тех. помощь. Заметил, что на стене нет ни номера улицы, ни номера дома. Если бы не эти люди, он плутал бы до завтрашнего утра!

Наконец в стене показался широкий проем открытой двери и все устремились в него. Стайер последовал за ними. Оказавшись в темном помещении, люди замерли. Пока глаза привыкали, никто не шевелился. А ему уже становилось дурно. В глубине души таилась ярость, рождалась дикая агрессия. В этот миг ему необходимо было надеть шлем и рас-

твориться в игре, нырнуть в привычную стихию, где ты сможешь отдохнуть, а внимание будет приковано только к экрану. Больше ему не нужно было ничего. Но шлем бесполезно оттопыривал карман, куда он его запихнул, безжалостно скомкав. Как он ненавидел этот шлем! От него голове было только жарко. Обычно шлем придавал ощущение комфорта, но теперь... невыносимо было закрывать им глаза. А еще Стайер ненавидел всех этих людей, которые толпой его обступили. Они давили своей массой. Тогда он опустил глаза, чтобы избавиться от неприятного ощущения. Увидел ноги. Десятки ног переминались с одной на другую. Захотелось всех растолкать, пробраться дальше, туда, где будут менять заветный чип. Но волю парализовало, он не мог двинуться с места. Мысленно уже проклинал этих людей. Вдруг подумал, что каждый из них испытывает то же самое. Все они потеряли способность видеть, вернее, смотреть сквозь шлем. Они не созерцали привычной голограммы, где можно было раствориться в родной сети, не могли зайти в свой профиль, с кем-то поболтать, а потом окунуться в волшебный мир игры, выбрав любую по своему вкусу и кошельку. Сейчас они не могли ничего. А вокруг только ноги. И темнота...

Какой-то человек появился с улицы. В руках он нес канистру. Человек подошел к непонятному аппарату, отвинтил крышку, налил пахучей жидкости. Солярка – понял Стайер. Парень нажал на кнопку, и помещение осветилось ярким светом, а мощный генератор затарахтел что было силы. Вот

как ребята из тех. помощи могли в этом месте существовать! У них был генератор, который стоил немислимых коинов. Значит, у них было все. Видимо, они неплохо зарабатывают. Интересно, сколько нужно будет платить за новый чип? – подумал он. – Хотя, какая разница. Когда он окажется в сети, этот вопрос не будет его волновать – коинов хватает. И опустил глаза, чтобы не смотреть на остальных. Снова ноги. Они топают, увлекают за собой, тащат по ступеням. В голове нарастает гул, словно ее разрывают на части. Вдруг подумал – впереди его ждет длинная очередь, все эти ребята пришли за тем же. Нужно всех растолкать, опередить, оказаться первым! Но, так не по правилам – его легко выкинут – он пришел последним. Значит, придется ждать. Очередь! Как когда-то давно...

Он ненавидел толпы, где голодным стоишь в поисках работы. Любой работы... Много лет назад (тогда он был еще совсем мелким), ему доставался самый унижительный и тяжелый труд, который давал возможность заработать лишь на бутерброд и примитивную игрушку. Обычно, таким как он, приходилось вывозить мусор. Тогда и узнал, что такое очередь. Вереницы малолетних юнцов топтались, переминая от нетерпения ногами, а тележек было мало – на всех не хватало. Наконец, в сети выпал заказ. Кому повезло больше, кто пришел на место раньше других, хватал корыто на колесах, нагружал его до краев, довозил тяжелый груз до места, и там на счет капали заветные коины. Их было так ма-

ло, хватало, чтобы дотянуть да следующего дня, а завтра все с начала. Снова проклятая очередь... Чем он только не занимался: вывозил мусор, разгружал машины с едой, которую откуда-то привозили (неважно, откуда, главное, что платили), что-то таскал, рыл, откачивал помой из зловонных стоков канализаций в районах богатеньких, чистил биотуалеты. Самым неприятным было – вывоз тел на окраину города. Соглашались на это немногие, но сеть предоставляла такую возможность. Когда кто-то погибал, появлялось оповещение, адрес и сумма коинов, которую заплатят. Была она немногим больше, чем оплата за прочие нехитрые дела. Так и жили. Мелкие были способны лишь на такую работу. Ничего сами придумать не могли, зависели от стариков. А те – если мозги были на месте – имели все. Продолжалось так многие годы – сколько он себя помнил, все детство, пока не вырос. Правда, помогал брат. Без него он бы не выжил. Потом стало легче. Он рос, становился способен на что-то еще. В последний год вошел в игру, в которой стал лучшим. Вот когда появились настоящие коины. Конечно, не такие, как у богатеньких, занимающихся едой, электричеством, соляркой. Но жить стало легче. А детские очереди за первыми коинами он не забудет никогда. Думал, больше их в жизни не будет, и вот по нелепой случайности снова ненавистная толпа...

Проклятый Чужой! – очнулся он, оглянувшись. Заметил – пока он раздумывал, все куда-то делись, растворились. На-

ходились люди неподалеку, но никто не толкался, стремясь опередить других. Не было ажиотажа. Еще заметил, что находится он в просторной комнате, вернее, в зале на втором этаже, куда по ступенькам, дружно топая, все поднялись. Теперь парни и девчонки ходили вдоль стен, что-то там разглядывая. Зал кончался, дальше была видна открытая дверь, за которой находился следующий такой же просторный зал. Свет ярко освещал все пространство вокруг, а снизу доносился шум генератора.

Стайер перевел взгляд на ближайшую стену и замер... На ней были развешены... Он не знал, как это называется. В больших рамах находились изображения. Аватарки! – понял он. Но были они гигантских размеров. Такие он рисовал когда-то, пока не стал охотником. Брат научил его делать это электронным карандашом. У него неплохо получалось, за такую работу даже платили. Конечно, ничтожные коины – за красоту платят мало. Это татушки и пирсинг стоят дорого. Но все-таки платили...

Он снова присмотрелся. Изображения были намазаны непонятной цветной массой, были они сухими, застывшими, не шевелились, не мигали, не переливались всеми цветами электронной палитры, словно замерли. Были мертвыми. Мертвые аватарки на стенах в огромных желтых рамах! А на них изображены... Люди... Деревья... Здания непонятных форм. Животные. Вот еда на тарелках... Или не еда? Здесь же на обеденном столе птица. Мертвая. Почему на сто-

ле? Почему на тарелке? Рядом вилка, нож. Хотя, выглядит ничего так. Смотрится прикольно. И снова какие-то дома. Люди. Мертвые. Вернее, недвижимые...

Он отошел от стены и снова уставился на странные изображения.

Какая-то ерунда! И тут в сознании промелькнуло – это КВЕСТ! Вспомнил, зачем сюда пришел. В этом зале кроется загадка. Ее нужно разгадать, тогда ты пройдешь на следующий уровень в другую комнату. И бросил взгляд на дверной проем, куда люди проходили. Эти уже нашли ответ. Значит нужно что-то понять, а потом предъявить на выходе. Там ему заменят чип, и он снова вернет жизнь! Он снова будет в игре!

Огляделся – заметил, что остальные его опередили, скоро в этом зале он останется один. Нужно разгадать, нужно срочно пройти на уровень дальше. Привычное чувство опасности завладело им всецело.

Он хорошо знал, что такое квест. Позволить себе играть в такую игру могли немногие. Вопрос цены! Стоила такая игрушка дорого. Но если из западни выберешься – на выходе тебя будет ждать приличный бонус – в разы больше, чем за вход. Было лишь одно обстоятельство, о котором знали все – дело это было рискованным. Если проиграешь, если выхода не найдешь, тебя будет ждать долгое мучительное, голодное одиночество в замкнутом пространстве. Или (в зависимости от правил) все случится быстро – через какое-то время стены загорятся, начнется пожар. Или сквозь

невидимые щели начнет поступать угарный газ. Значит, ты скоро задохнешься. А бывает куда круче. Если у хозяев такого прикола найдутся коины на марганец, предметы вокруг тебя начнут взрываться. Снова пожар и неминуемая смерть. Квест! Совсем немногие хотели играть в такие игры! Разве что от отчаяния – если повезет, если выберешься – тебя будет ждать долгое сытое существование и дорогие игрушки. Вот только придется рискнуть...

Но он на это не подписывался! Вот какой ценой придется заплатить за испорченный чип!? И не каждый из этих парней и девчонок его получит, кто-то останется здесь навсегда! А если это будет он?!

И вспомнил, как недавно один парень из стариков сделал по всему городу сеть таких забегаловок. Вход стоил не так дорого, а на выходе сулили рекордную сумму. Ребята на эту тему повелись – толпами бросились в игру. Погибли все. Игроков было не меньше сотни. Случилось все за одну неделю. Никто так и не смог выйти из головоломки. Потом этого старика кто-то неслабо подпоил и узнал, что выхода из квеста не было. Простой развод. Старик в конце недели хладнокровно подсчитал коины. С каждого понемногу – сумма набежала приличная. Интересно, скольких еще в своей комнате он собирался отправить на тот свет?

Церемониться с ним не стали – забили ногами. Не до смерти – так, слегка, оставили калекой, пусть помучается. И что самое страшное – забанили его все! В городе

не любили тех, кто по пустякам лишал игроков жизни. И поделом...

Все мгновенно пронеслось в сознании, и теперь Стайер соображал, чего в этой комнате от него хотят? Сделать это нужно как можно быстрее! Он должен найти выход! Должен остаться живым! И это не охотником работать – тут ноги не помогут, головой думать надо. Даже шлем ничего не сможет подсказать...

И он снова уставился в одну из рам, сверля ее глазами. Отметил, что какой-то неведомый человек с помощью этого изображения хотел ему что-то сказать. Что? словно, в этот миг он с ним разговаривал, рассказывал свою историю. О чем? Казалось, уже слышал ее... Но не понимал. Проклятье! Видимо, чувство опасности мешало. Отвлекало! Тогда, что он предъявит за чип? Стоп! Нужно сосредоточиться. А время идет! Неужели это конец?!

Удивляла одна штука, непостижимая, которая не укладывалась в мозгах. Кто все это сделал? Человек неспособен на такое. Невозможно взять в руки грязь или глину (неважно что), и заставить жить ее в раме на стене! Откуда все это?...

Он долго стоял, неотрывно взирая на изображение. Сейчас решалась его судьба, но в голову ничего не приходило. В то же время что-то неведомое поднималось, рождалось в груди. Это были новые, незнакомые ранее ощущения. Такого он не испытывал никогда. Где не работала голова – на короткие мгновения являлись чувства, но ощущение

страха их отгоняли прочь...

– Нравится? – вдруг услышал он и от неожиданности вздрогнул. Но быстро взял себя в руки, увидев незнакомую девицу. Она стояла рядом, улыбалась. Глаза, – подумал он, на мгновение забыв обо всем. – Раньше он не знал, что бывают красивыми глаза. Обычно их закрывает шлем, а у этой... Они светились чистотой и невинностью. Девица стояла и улыбалась. Ему улыбалась. Одними глазами.

– Красиво? – снова спросила она, не дождавшись ответа.

– Глаза у тебя красивые! – вырвалось у него.

Девушка покраснела, снова улыбнулась и ответила:

– Спасибо. Понравилась картина?

– Картина? – удивился он, но виду не подал. – Ничего так, прикольная. Рама классная!

Девушка засмеялась.

– Смешной ты. А я раньше тебя не видела. Ты откуда?

– С Двадцать Пятой. А ты?

– Со Второй, – ответила она. Подумав мгновение, добавила:

– Ладно, не буду мешать, увидимся, – и растворилась в глубине зала, потом выпорхнула в соседний, исчезнув с глаз совсем.

– Как это здорово смотреть человеку в глаза! – вдруг подумал он. И еще подумал: – Как он не понял это сразу? «Картины»! Конечно! Так они и должны называться. Только, почему он не видел их раньше?...

Ощущение опасности исчезло. Оно растворилось в этом зале, в воспоминании о странной девице, которая только что стояла рядом. Она улыбалась, не было тревоги в ее взгляде. Если она может в таком месте вести себя так – чем он хуже? Эти молодые девицы в последнее время все больше его удивляли! Он уже забыл о том, куда весь день стремился, о голоде, терзавшем желудок, и только стены, увешенные полотнами, продолжали его волновать. Беспрепятственно перешел в другой зал, где снова были развешены странные «картины», повсюду ходили люди, неторопливо их рассматривающие. Никто не бежал, не толкался, спасая свою шкуру. И вдруг мелькнула мысль – изображения на стенах не были мертвыми, они живые, на них все было настоящим. Но как такое возможно? В глазах людей, нарисованных непонятным веществом, была жизнь. Он помнил – есть другие глаза. Не раз видел их, когда кому-то не везло, когда с тех навсегда снимали шлем, прежде чем мелкие увозили бедняк по нужному адресу. Потухшие они были, никакие. А эти... И что больше всего удивляло – смотрели они на него. Некоторые преследовали взглядом – куда не отойдешь. Казалось, изображения в рамках живут неведомой ему жизнью. От них исходила энергия. Все они о чем-то хотели сказать. О чем? Каждая о своем. У каждой была своя мысль. Такая очевидная, убедительная. Картины рассказывали, шептали, некоторые даже кричали. Казалось, он слышит голоса людей, нарисованных на стене, мелодию красок, заточенных в желтые,

рельефные, вырезанные чей-то умелой рукой, рамки.

Сколько времени он провел здесь, сколько залов обошел – не помнил. Последнее, что его остановило, надолго приковав внимание, была... Нет, не картина, не аватарка. Обнаженная женщина. Белая! Сделана она была из неведомого материала, поверхность которого, отражаясь, блестела в свете ламп. Это если взять живую девицу... Нет, женщину... Нет, совсем еще юную девушку. Раздеть ее, а потом облить... Ох! У него не хватало воображения. Техника была настолько непонятной, недоступной разуму. Как ее распечатали, на каком принтере? Если бы на нее пролился белый дождь, скажем, с запахом молока, а потом он застыл, высох, укрыв ее целиком, могло бы получиться такое. Женщина казалась живой. Каждый жест, изгиб ее тела, напряжение мышц говорили о скрытом желании. И вдруг Стайер почувствовал, что стоя перед ней, потерял время. Он вывалился из него, и все вокруг по чьему-то неведомому замыслу тоже. В тот же миг казалось, что время вместе с умытой волшебным дождем, незнакомкой, вот-вот оживет! Белая женщина сделает шаг, другой, потом уверенно пойдет, может быть даже помчится полная желаний и сил. Куда? Зачем? От кого бежать-то?... Какая разница? Но кто мог это сделать? Кому это под силу?! Не может человек такое сотворить?

Он долго стоял рядом с прекрасной статуей, обходил ее со всех сторон, ничего не понимая.

– Может ее разбить? – вдруг мелькнуло в сознании. –

Грохнуть эту белую девицу о землю, тогда все станет понятно и просто. Если что-то не понимаешь, возьми в руки побольше камень... Снова эти глаза! Девушка со Второй улицы! Она рядом. Черт, как она красива! Ее тоже разбить? Девушка что-то ему говорит, а он уставился на нее, как идиот, вытаращив глаза, и молчит. Переводит взгляд на белую женщину и снова на нее. Наконец до него доходят ее слова:

– Пойдем! Ты так отстанешь, мы уезжаем!... Ты слышишь меня?

– Сейчас, – очнулся Стайер, напоследок бросив взгляд на белое видение.

– Идем же! – девушка хватается его за руку, и они бегут через множество комнат, потом по ступеням вниз, наконец, выскакивают на улицу. Рядом стоит большой автобус. (В таком он никогда не ездил.) Девушка тащит его за собой. Салон полон. Им достаются места в последнем ряду. Через мгновение автобус трогается с места.

– Нужно еще куда-то ехать? – невнятно спрашивает он. Девушка сидит рядом, с интересом глядя в окно.

– Ты хотел бы остаться здесь? – смеется она.

– Ладно, – отвечает он, вспоминая о деле, которое так и не закончил. Понял, что здесь их лишь собирали, чтобы довезти до тех. помощи, которая находится где-то в другом месте. В каком? Без разницы. Главное, что там был не квест. Они спокойно вышли из старого здания, и никто не погиб. Тогда, что это было? Не все ли равно? – сонно подумал он.

А прекрасная белая женщина явилась перед глазами вновь. Было хорошо, странно, необычно. Поймал себя на мысли, что совсем не хочет играть. Он испытывал состояние умиротворения, покоя. Счастливого покоя. Словно попал под дождь, но прятаться не стал, стащил с себя одежду, подставив тело под сильные струи, которые смывали лишнее, ненужное. Было приятно и хорошо, словно учился летать... Сон... Станный сон... Куда летать-то? От кого? Зачем?...

Очнувшись, почувствовал на щеке тепло, понял, что спит на чьем-то плече. Поднял голову – девушка сидела рядом. Снова эти красивые глаза, улыбка. В салоне горит свет, за окнами вечер. Нет, ночь. Автобус больше не едет. Люди без шлемов, шумно гомоня, выбирают на улицу.

– Приехали? – спрашивает он.

– Не узнаешь? Мы дома, – отвечает она.

– Дома, так дома, – бормочет он, стряхивая сон.

3

Он стоял на незнакомой улице, оглядываясь по сторонам.

– Где твой дом? – наконец спросил Стайер.

– За углом, – махнула девушка рукой.

– Дальше не поедем? – недоумевал он.

– Не сегодня, дальше будет завтра. На следующей неделе можно будет поехать. Еще успеешь.

– Значит не сегодня? – и потрогал карман, в котором покоился шлем. – Это Вторая? Ты говорила, что живешь на Второй.

– Конечно, Вторая, – непонимающе ответила девушка. – Тебе куда?

– Никуда, – ответил он, приходя в себя, собираясь с мыслями. Снова оглянулся, осматривая незнакомое место. В темноте ничего не узнавал. Вторая находилась в самом центре города. Отсюда возвращаться домой больше часа, – и он перевел взгляд на девушку. Была она такой худенькой, нежной. Странной она была какой-то, необычной. С такими он раньше не общался. Знал, что на Второй живут богатенькие. У них в домах была вода, электричество. Улицы были чистыми. На Второй люди могли позволить себе многое. И оценивающе взглянул на нее – почему бы и нет?

– Прикольно тут у вас. Ты тоже ничего!

Обычно этой фразы было достаточно.

– Спасибо, – скромно ответила девушка. Больше она не улыбалась, внимательно с интересом его разглядывала, и он снова отметил, что у нее удивительные глаза.

– Ладно, хочешь, пойдем, покувыркаемся, – снисходительно предложил Стайер.

– Не поняла?... Ах! Извини! Могу показать хороший спортивный клуб. Ты гимнаст?

– Не, не гимнаст, – засмеялся он. – Я Стайер.

– Тогда я тебя не поняла.

Она внимательно на него смотрела.

– Смешная ты, я говорю, пойдем пот...

Лицо девушки вспыхнуло ярким румянцем. Где-то она слышала это слово. Может быть, в книге двадцатилетней давности...

– Ты имеешь в виду... занятие сексом? – с трудом выдохнула она.

– Называй так, – усмехнулся он. – Куда идти-то? Приглашай! – и подумал, что девушка странненькая – ведет себя, как ребенок, хотя на вид его ровесница или немногим младше.

– А ничего, что сейчас могут быть дома родители? – вдруг задорно произнесла она.

– Кто такие родители? – не понял он.

– Какая разница – кто они? А ничего, что мы знакомы всего пару часов, и я даже не знаю, как тебя зовут?

– Для этого обязательно нужно знать имя?

Теперь она с интересом на него смотрела. Потом тихо произнесла:

– А ничего, что для этого нужно хоть немного любить того, с кем собираешься...

– Ты что бургер? – засмеялся он. – Или аркада какая прикольная? Как можно любить девчонку? Любят еду, приколы, игрушки. Ну так что?

Она долго смотрела на него, не отрываясь, наконец, вымолвила:

– Странный ты какой-то. Дикий. Откуда такой взялся?

– Как хочешь, – просто ответил он, совсем не обидевшись. – Думал, у тебя перекантоваться, лень топать домой. А тебя Родитель ждет, понимаю. Прикольное имя.

– Родители, – поправила она его с каким-то восторгом. Он так и не понял, почему.

– Тезки что ли? Сколько их у тебя?

– Двое... Еще дедушка.

– Ты чего спишь с троими? Круто, я так не пробовал, – и оценивающе взглянул на ее стройную фигурку. Потом оглянулся, разглядывая вечерний город, который ярко переливался разноцветными огнями. По дороге ехали маленькие, похожие на новые, машинки. Таких он еще не видел. По тротуарам сновали нарядные люди. Некоторые держали на привязи собачонок. И зачем они их привязали? На кой они вообще им нужны?

– Это что за район? Улица какая? – в недоумении спросил

он. За последний год прекрасно изучил город, знал самые отдаленные его уголки, но здесь раньше почему-то не бывал. Вторая – это же самый центр! Он должен знать ее, как свои пять пальцев!

– Улица имени Бернарда Шоу, – ответила она.

– Чего ты несешь? Какое Шоу? – и с возмущением на нее уставился. Девица явно издевалась. Веселые огоньки сверкали в ее глазах. После этой реплики она не выдержала и звонко рассмеялась.

– Улица какая? Номер какой? Слышь, глупая, улицы называются по номерам! – он уже кричал, а она хохотала не в силах остановиться. И тут он замер, с ужасом глядя по сторонам – ни на одном из этих странных, разодетых в новые, чистенькие одежды людей не было шлемов. Вели они себя странно – разговаривали, смеялись, некоторые держались за руки. Даже под руку, как обычно тащат под локоть накурившегося или пьяного приятеля. Но эти были трезвы. Заметил еще одну странную... нет, страшную деталь! Неподалеку неторопливо прогуливалась парочка удивительных людей. Они были с совершенно белыми волосами. Седые! Такое он видел лишь однажды, когда на пожаре один его приятель сумел выскочить из пылающей квартиры. Раньше парень был абсолютно черным, с крепкой, кудрявой, черной, как смоль, шевелюрой. Но за несколько минут, проведенных в огне, поседел. Он помнил его глаза – были они безумными. Бедняга очень скоро окончательно спятил, потерял шлем,

потом, говорят, стал беглецом, покинул город, так и не вернулся, пропал. А эти... шли и улыбались. Только движения их были медленными, словно накурились. Когда они приблизились, Стайер заметил, что лица их покрыты глубокими морщинами. Как нужно жить, чтобы до такого себя довести? Вон еще странные седые люди... И еще... Все без шлемов!

– Бердан Шоу, – пробормотал он, – слышь, ты куда меня привезла?

Девушка перестала смеяться, смотрела на него с неподдельным интересом, загадочно улыбаясь.

– Ты сам поехал. Сам сел в наш автобус, – наконец, вымолвила она.

– Я выехал что ли из города? Это другое место?

– Боюсь, что да.

– Вот это я попал! – и Стайер отошел к скамейке, стоявшей неподалеку, в бессилии на нее опустившись. Девушка села рядом.

– Пойдем, – наконец вымолвила она.

– Куда?

– Пойдем, – настойчиво повторила девушка.

– Теперь я для них Чужой! – в отчаянии пробормотал Стайер.

– Для кого?

Он промолчал.

– Для друзей в твоём городе?

– Да! – зло ответил он. – Для всех!

– Разве такое возможно? – удивилась он. – Ты всего-то отъехал на сотню километров.

– Чужой!

– Думаешь, тебя за такой короткий срок забудут? Это невозможно!

Он взглянул на нее. Глаза ее были невинными, детскими. Еще улыбается! – подумал он.

– Мне нужно назад. Мне срочно нужно назад! – воскликнул он.

– Поздно уже. Завтра что-нибудь придумаем. Пойдем!

– К Дедушке?

Она улыбнулась.

– Нет, не к дедушке, я покажу тебе отель.

– Что это?

– Дом, где останавливаются наши гости.

– У меня не ловит сеть, на аккаунте зависли коины, мне нечем платить.

– Здесь не нужно платить – у нас все бесплатно, все по-другому.

Какое-то время он размышлял, зло озираясь по сторонам. Наконец пробормотал:

– Да уж, по-другому. А спите вы вчетвером и называете это любовью.

– Пойдем, – настойчиво повторила она.

– Ладно, пойдем.

И уже в номере небольшого уютного дома под названи-

ем отель, лежа в темноте на белоснежной простыне, он вспоминал эту странную девушку. Она была совсем другая, чем те, с которыми он привык общаться. Новенькая, чистенькая. Это если взять пряжку от ремня, долго мелким песком ее тереть, тогда она засверкает. Там у скамейки она зачем-то взяла его за руку и повела за собой. Ладонь у нее была теплой и нежной. Почему он раньше не ходил так с девицами? Это даже круче, чем секс. Теплая рука. Любить теплую руку...

На прощанье она спросила:

– Почему у тебя нет тату? Все ваши разрисованы, как чушки, а у тебя их не видно. Потому и подумала, что ты наш.

– Не хочу быть как все, – ответил он.

– А еще ты не носишь на голове... Как это называется?

– Шлем.

– Да, шлем... Ладно. Спокойной ночи, – на прощанье сказала она.

– Чего? – не понял он. – А, да, спокойной, – буркнул он и снова подумал, – теплая рука... красивые глаза... теплая рука...

Утром девушка постучала в дверь номера, разбудив его:

– Доброе утро!

– Какое?

– Доброе, – улыбнулась она. – Это приветствие такое.

– Да. Приветствие... Привет!

– Ты уже завтракал?

– Нет. Мне нужно...

– Я все узнала, скоро будет автобус, тебя отвезут назад.

– Хорошо.

– А сейчас тебе нужно позавтракать.

– Хорошо, – согласился он, вспомнив, что сутки ничего не ел. – У меня шлем завис, я говорил уже – коинов нет!

– Пойдем, – произнесла она.

Они спустились в просторный холл, девушка открыла дверь, на которой было написано «Ресторан». Здесь находились несколько человек, которые что-то ели. В воздухе витал удивительный аромат. Девушка села за столик, взяла в руки меню.

– Что ты будешь есть? – спросила она.

– Еду, – ответил он.

– Я понимаю. Какую?

– Ну..., можно с запахом бекона.

– С запахом? Хорошо. Что еще?

– Можно с запахом сыра.

– Так. Еще?

– Что еще?

– Все, что угодно! Хочешь творог? Оладьи? Можно жареные тостики. Их здесь вкусно поджаривают. Если очень голоден, можно заказать отбивную или котлету,

– Чем отбивную?

– Молотком! – она едва себя сдерживала.

– Зачем молотком?! – но заметив веселые искры в ее красивых глазах, зло сказал:

– Может, у тебя и клубника есть? Или клюква?

– Ты ешь на завтрак клюкву?

– Послушай, просто попроси еду. Все равно какую.

– Хорошо, – согласилась она и подозвала официанта. Тот достал карандаш, блокнотик и начал записывать, а она диктовала:

– Яичницу с беконом... Из трех яиц... Нарезку колбасок. Дальше... Сыр. С запахом.

– Я понял, – кивнул официант, – с голубой плесенью или с зеленой? Или вы желаете бри?

– Не надо мне плесень! – не выдержал Стайер.

– Хорошо! – улыбнулась девушка. – Тогда сыр. Просто сыр. Порцию оладий и клубничное варенье. Еще клюквенное. Что ты будешь пить? – спросила она.

– Я утром не пью, – отрезал он. – И тебе не советую.

– Всухомятку будешь питаться?

– Не всухомятку, – и сказал официанту: – не выпить, а попить.

– Хорошо, – согласилась девушка, спрятав улыбку. – Тогда кофе?

– Да, – ответил он, – можно с запахом кофе.

– Нам две чашечки ароматного Капучино. Я тоже выпью... То есть, попью. И, пожалуйста, кофе с запахом кофе! Непременно с запахом! – спрятала она улыбку. – Пожалуйста, все.

Официант собрался было отойти, но Стайер добавил:

– Слышь, фраерок, и распечатай все покруче, чтобы без дураков, ты понял меня?

– Простите? – замер тот и внимательно посмотрел на Стайера.

– Яйца поджарьте подольше, мой друг не любит глазунью, – пояснила девушка.

– Да! Конечно!

Когда официант отошел, Стайер спросил: – Вы питаетесь плесенью?

– И даже едим червяков! – сорвалось у нее, но шутки он не оценил.

– Отстой! – пробормотал Стайер.

Потом она с интересом наблюдала за тем, как он ест. Иногда Стайер ловил на себе ее взгляд, о чем она думает, не понимал. Да и не интересовали сейчас ее мысли, потому что такой еды он еще не пробовал. Странная это была еда. Из чего она сделана – он не знал, да и не мог знать. Было невероятно вкусно. Когда добрался до, так называемых, оладий – удивился. Распечатанные кругляшки были политы странными пищевыми добавками, пахнувшими клюквой и клубникой. Две красные лужицы растекались по тарелке, а в них купались сочные шарики. Он видел их где-то. Память подсказала, что в сети были точно такие же аватарки. Они так и назывались – Клюковка и Клубничка. Попробовал – не обманули. В баре на 24-й посыпали добавками именно с таким вкусом. А потом он пил кофе, который был с запахом кофе.

И никаких червяков и плесени...

– Наелся?

– Да, – коротко ответил он, вставая из-за стола.

Спустя немного времени он ехал в автобусе, одиноко сидя на последнем сидении в самом конце салона и смотрел в окно, а вдалеке открывалась удивительная панорама. Бесконечные поля, небольшие пролески. Земля, покрытая высокой травой. Иногда пробегали незнакомые зверушки, а они неслись все дальше, проезжали мимо небольших озер, перемаривали через речки. Картина поражала – это было бесконечное полотно, конца которому не было видно. Кто его придумал, кто нарисовал? Он привык к городским пейзажам, где скелеты домов с прямоугольными глазницами выбитых окон занимали все пространство, а тут... И еще вспоминал странное место, где жили седые люди, которые ходили с собаками, привязав их длинными веревками. Вспоминал незнакомку, у которой были красивые глаза и теплые ладони. На прощанье она сказала:

– Сядешь один, ничего никому не говори. Спросят – скажешь, что ты из 25-ой. У нас часто бывают гости. Только сбеги незаметно, чтобы тебя не искали. Все. Прощай, мой дикий человек.

– Ты не поедешь? – зачем-то спросил Стайер.

– Я там уже была не один раз. Ну, все, пока.

– Пока, – ответил он и добавил, – у тебя красивые глаза.

Без дураков.

– Спасибо, – улыбнулась девушка, – может быть, когда-нибудь еще свидимся.

– Может быть!

Потом она подошла к автобусу и начала что-то объяснять старому парню. Видимо, он был здесь за главного. Тот кивал головой, изредка поглядывая на него. Стайер слышал, что она говорит, но из ее слов ничего не понял:

– ...это студент из 25-й резиденции. Он у нас на стажировке. Папа просил его проводить на вашу экскурсию, это тема его исследований...

Короче, несла она полную околесицу, ерунду, чушь несусветную. Полный отстой!

– Конечно, не беспокойтесь, – ответил ей старый парень и направился к автобусу. С группой он не поехал, проводил всех к автобусу и удалился.

Вот и город. Знакомые унылые пейзажи. Иногда попадаются заброшенные строения – сгоревшие, полуразрушенные, с выбитыми окнами. Хаотичные номера домов подсказывают, что автобус движется к центру. Кстати, об автобусе. Садясь в него, Стайер с удивлением заметил, что на его боках была надпись: – «Еда». На таких действительно развозили еду. Вернее, пищевые добавки – их мешками укладывали в отделения багажных отсеков. Когда-то в детстве он такие автобусы разгружал. А в салонах, – понял он, – оказывается, сидели люди, которых ненадолго привозили сюда на... экскурсии. Странное слово – «экскурсия». Окна были затемненными, даже черными, поэтому, снаружи невозможно было разглядеть, кто находится внутри...

И вдруг он заметил надпись: «Семьдесят восьмая». Номера домов – 1, 2,... Вот 5. На нем висела табличка: «Техническая помощь». Теперь Стайер неотрывно следил за маршрутом, ничего не пропуская. Они проехали еще пару кварталов и остановились у древнего здания странной формы, которое конусом уходило в небо. Такие дома были разбросаны по всему городу, в них никто не жил, никто на них внимания не обращал, все равнодушно проходили мимо. Автобус замер, и люди без шлемов начали выходить на улицу, где никого не было. Место было заброшенным – еще один дырявый

район. Кто-то из толпы воскликнул:

– Пока я открываю ворота Храма, пожалуйста, никуда не отходите. Займет это несколько минут.

Храма? – подумал Стайер. Он не знал, что это означает, такого названия раньше не слышал. Оглянулся, сделал пару шагов в сторону, какой-то парень его окликнул:

– Далеко собрался?

– Отлить, – коротко бросил он.

– Ну, давай, – и отвернулся, продолжая разглядывать Храм. Стайеру не составило труда незамеченным повернуть за угол. Все так пялились на этот Храм, что никто его исчезновения не заметил. А парень тот наверняка через мгновение о нем забыл, Стайер был в этом уверен. Но сейчас его волновало другое...

Вчера он совершил опасный поступок – вышел из города! Целую ночь провел в сотне километров за его чертой. По правилам он стал Чужим. Так говорил брат. А сейчас вернулся. Значит, на него должны объявить охоту? Но шлем молчал, никакой информации он дать не мог. Кроме времени дурацкий шлем не мог подсказать ничего. А если по улицам уже мчатся охотники?! Но, как они его найдут? И как Бродилка могла узнать о его отсутствии, ведь чип, который идентифицирует его местоположение, был испорчен. Значит, о том, что он уходил, никто не должен знать. А если все-таки знают? Если есть другой способ отслеживать беглецов? Тогда он стал Чужим. В любом случае выбора нет – нуж-

но срочно восстановить аккаунт, тогда он будет знать все. Неведение казалось мучительным. Последнее, что мелькнуло в сознании – если его поджидают там, куда он сейчас направляется? Все равно он должен переступить порог тех. помощи. Там будет видно...

Через несколько минут Стайер оказался у цели. Со скрипом открыл старенькую дверь, вошел. Народу было немного, никаких очередей. Слава богу, таких как он, в городе почти нет, – подумал он. Главное – его никто не караулил. Значит нужно покончить с этим как можно быстрее. Вроде пронесло.

– Прошли сутки, почему не явился раньше? – строго спросил старик лет 28-ми (ровесник его брата).

– Потому, – нагло ответил Стайер. Он понимал, что должен вести себя естественно и не бояться. Страх губителен. И вспомнил глаза Чужака. Сейчас он мог сам оказаться на его месте. Главное – не пасовать!

– Отвечай на вопрос! – прорычал тот. Старик по такой жаре был раздет по пояс. Огромные бугры мускулатуры проступали по всему телу, которое целиком было покрыто росписью. Если он двигал рукой или какими-нибудь мышцами, звери и прочие чудища, наколотые на нем, оживали, шевелили конечностями, подмигивали. На его коже не было ни одного сантиметра, где не было тату. Даже раковины ушей были разрисованы. Вот это картины! – подумал Стайер. – Шевелятся! – и вспомнил мертвые изображения на стенах.

Вдруг подумал – интересно, где больше жизни, в тех картинах, замерших в желтых резных рамах на стенах или у этого типа на животе и ушах?...

– Я не слышу? – повторил вопрос старик, покрытый росписью.

– Пил, – коротко ответил он.

– Чем платил?

– Брат платил.

– Брат, – проворчал старик. – Снова будут проблемы, в следующий раз должен явиться сразу. Понял?

– Почему?

– Правило такое! Ты не знал?

– Нет.

– Незнание – не оправдание. Понял?

– Вроде того, – ответил Стайер, не желая связываться. Еще понял, что ему ничто не угрожает. Обошлось.

– Ладно, – примирительно ответил старик. К этому времени он успел чем-то брызнуть ему на колено, которое тут же замерзло, потеряв чувствительность, тонким лезвием ножа ковырнуть поверхность ноги и вынуть крошечную капсулу. Это был чип. Старик прочитал на нем номер, посмотрел на экран допотопного компьютера (из прошлой эры) и с уважением перевел на него взгляд.

– Охотник?

– Вроде того, – скромно ответил Стайер.

– Хорошая статистика – четыре Чужака за два месяца.

Наконец его опознали! Наконец в этом городе он был не Чужим, а своим! – подумал Стайер.

Старик тем временем взял маленький пистолетик, поднес к его бедру, раздался щелчок.

– Все, – произнес он.

– Так быстро?

– Чип на месте. А этот, – и показал на старую капсулу, промыв ее в воде, – видишь, помяли. Коротнуло, вот и сглючил.

– Чужой камнем попал, – гордо пояснил он.

– Не заморачивайся, теперь все оки-доки.

Старик промокнул бедро тряпкой, смоченной неизвестной жидкостью, и сказал:

– Свободен.

– А коины? – удивился Стайер. Рассматривая тату на теле старика, он был уверен, что с его счета спишут огромную сумму. Тату стоили немислимых денег. Столь искусной работы, да еще в таком количестве на теле одного человека, он раньше не видел. Значит, старик зарабатывал хорошо.

– Бесплатно, – вдруг ответил тот. – Не стоит ничего, – добавил это и улыбнулся.

– И ты ничего с этого не получишь? – поразился Стайер.

– Не твоя печаль, – засмеялся татуированный собеседник, – Бродилка щедра. В жизненно важных вопросах она делает для нас все. Ладно, живи! – и Стайер в недоумении удалился.

Спустя мгновение оказался на улице, залитой солнечным огнем. Но солнце он не заметил. На голове был надет шлем, который моментально ожил. На экране появилась голограмма, где можно было прочитать множество сообщений, скопившихся за сутки! У него снова были друзья! В уголке явилась приятная сумма состояния счета – у него снова были коины! Правая панель засветилась волшебными ярлычками. Они мигали, искрились, переливаясь всеми цветами электронной палитры. Это был мир игр. Волшебный мир, куда так хотелось нырнуть, больше не думая ни о чем! Действительно, есть только игра. А что еще нужно? Ничего!

И вдруг в системных сообщениях обнаружил странную запись. Была она напечатана мелким строгим шрифтом черного цвета. В пестром окружении иконок Стайер поначалу ее не заметил. Надпись гласила:

«Штраф. С вашего счета списано... Вчера вы не истратили ни единого коина».

Сумма была столь ничтожной, что он сразу же об этом забыл. А перед глазами в дивном танце закружились ярлычки игр!

Теперь он был свободен, и ничто не могло выбить из привычной колеи. У него было много коинов, масса свободного времени, он долго мог ничем не заниматься, не думать о еде. Оставалась только игра! Множество игр, даже самых дорогих, которые он мог себе позволить. Но главное – он мог не думать ни о чем другом... Куда-то пропала Мочал-

ка, но он не особенно об этом сокрушался. Вокруг вертелось столько красивых девчонок, знакомых и не очень, стоило захотеть, пальцем поманить, выстроилась бы очередь. Но, очередь ему была не нужна. Никто из них сейчас его так не волновал, как игра. Лишь иногда вспоминал девчонку с красивыми глазами. Чем она его так зацепила? – думал он. Думал?! Нет, думать не хотелось. Он снова ныряет в бескрайнюю реку, где только игры, все мелькает, сверкает, слышится волшебный перезвон, и где он снова и снова становится первым. А как же та девица? Какая? С глазами? Ну, ее. Мало ли других...

Через неделю притащилась Мочалка. Разыскала она Стайера в одном из баров, уселась за его столик и заказала самый дорогой бургер с запахом... С запахами! Чего ей туда только не насыпали. По старой дружбе Стайер хотел было заплатить, но она жестом его остановила.

– Разбогатела? – засмеялся Стайер.

– Ты не поверишь! – воскликнула она.

– Ну, колись, где болталась? Сдала?

– Есс!

– Прикольно! Больно было?

– Ни черта не помню, – заявила она.

– Как это?

– Дали нюхуть какой-то дряни, я и заснула. Проснулась – сказали, типа сделано, эмбрион удалили, могу жить!

– Вот и я могу жить, – пробормотал Стайер.

– Чего? – не поняла Мочалка.

– Это я так, о своем.

– Знаешь, сколько коинов мне отсыпали?

– Я что девица, откуда мне знать?

От суммы, которую она назвала, он обомлел. За такие деньги ему нужно было догнать с десяток Чужаков. На это ушел бы год – игра случается редко, а эта...

– Можно несколько лет ничего не делать, прикинь! Я богата! Открою салончик. Или кафешку.

И Мочалка отхлебнула большой глоток из стакана, куда ей налили самого крепкого, что нашлось в баре.

– Отрываешься?! – засмеялся Стайер, наблюдая за ней. Он знал, какой после выпивки она очень скоро станет. Хотя, ему это нравилось. И Мочалке тоже.

Была она грубой и дикой. Делала все так, как любила. Впрочем, раньше его это забавляло. Почему раньше? – вдруг подумал он, с любопытством уставившись на обнаженную подругу. – Наверное, так ведут себя кошки, которые во множестве бегают по улицам. Те, которых еще не сожрали собаки. Те, которые орут долгими весенними ночами... Кошки. Интересно, кого они едят? Крыс. А крысы? Этого он не знал. Помнил лишь, что все эти твари не ели человеческую еду из тошниловок, в ужасе от нее шарахаясь. Мочалка ела. Хотя напоминала кошку. Впрочем, какая разница. Обратил внимание на то, что она не сняла шлем. Он зачем-то стащил его со своей головы, затем сделал то же самое с ее шлемом.

– Что ты делаешь, дурачок? – удивилась она. Кроме шлема на ней ничего не было, но когда он его снял, девушка, словно, застеснялась.

– Смотрю в твои глаза.

Мочалка замерла.

– Нафига тебе мои глаза?

– Просто.

И он снова на нее уставился. В глазах Мочалки читалось неудовлетворенное желание.

– Не останавливайся! – воскликнула она. – Ну же! И надень мне очечки, я люблю больше в них.

– Почему?

– Не знаю. Так привычнее. Не останавливайся! – снова прикрикнула она.

– Ладно.

Он вернул ей шлем, свой тоже натянул на голову. Шлем обладал изумительным качеством. Он получал от мозга сигнал, который видоизменял любое изображение по воле хозяина. Сейчас ради прикола Стайер подключил фантазию, и уже огромная толстая тетка была перед ним. А теперь совершенно зеленая вся в чешуе русалка извивалась на диване. Фантазировал дальше. Видимо, Мочалка в этот момент делала то же самое. Интересно, в кого она в этот миг его превращает? В фонарный столб? В зверушку из прикола-комикса. Вдруг замер. Воображение непостижимым образом превратило Мочалку в ту девушку... Оттуда... Он не знал, как

ее зовут! Хотя, какая разница? Это было не так важно. А может быть важно? В любом случае в этот миг перед ним оказалась ее совершенная копия. Была она обнажена, казалась чудом. А еще эти глаза...

«А ничего, что для этого нужно хоть немного любить того, с кем ты собираешься...» – услышал он ее голос. Тогда девушка не закончила фразу. У нее в горле застряло то последнее, ради чего двое ложатся в постель. И снова он взглянул на видение.

– Что с тобой? – услышал он голос Мочалки.

– Ничего.

Стайер отпрянул, уселся на диване, посмотрел в окно. Немного помолчал, потом спросил:

– Послушай, а ты любишь?

– Чего?... А я что делаю? Я очень люблю тра.... Что-то не так? Не понравилось?

– Я не об этом. Как сказать? Меня ты любишь?

– Ты что, бутерброд? – захохотала Мочалка. – Или пирожное с прикольной добавкой? Что с тобой, я не догоняю?

Он молчал. Мочалка немного подумала и уже серьезно добавила:

– Я очень люблю с тобой секс. Ты лучше Кабана, лучше Щелбана, Урода. Лучше богатеньких из золотой мелкоты, которых по малолетнему убожеству хватает на полторы минутки. Зато понтов! С тобой классно, прикольно! Ты это имел в виду?

– Одевайся!

– Зачем?

– Пойдем.

– Куда? – удивилась Мочалка.

– Без разницы.

– Хорошо.

Скоро они оказались на улице.

– Дай руку, – вдруг попросил Стайер.

– Что? – не поняла она.

– Руку дай!

– Зачем?

– Он схватил ее за руку, и какое-то время шел молча. Потом отпустил. Вернее, отбросил.

– Не поняла?!

– Холодная.

– Что?

– Рука у тебя холодная. Как лягушка.

– Идиот! – спокойно ответила Мочалка.

– Хо-ло-дна-я, – пробормотал он.

– Да, пошел ты! – не выдержала девушка.

– Сама иди.

– И пойду. Думаешь, долго ходить буду?

– Не думаю. К Кабану катись, он давно на тебя пялится.

– Найду куда круче твоего Кабана и тебя тоже.

– Хорошо.

– За мои-то коины! Десяток охотников себе заведу. Бегать

за мной будут. Тоже мне, крутой нашелся.

– Вот и иди.

– Даже тату сделать себе не может. Ходит, как урод.

И Стайер проводил ее стройную удаляющуюся фигуру долгим взглядом...

Надоела, – вдруг подумал он. – А может, действительно завести себе троих? Как та девчонка, которая говорила про любовь. Чего-то не хватало. Чего, он не знал.

И снова игры погружают его в дивный мир, где можно ни о чем не думать. Он за кем-то гонится, он стреляет, летит. Проигрывает, начинает с самого начала, проходит все уровни, наконец, побеждает, и тогда звенят волшебные колокольчики. Ради этого он потратил столько времени и сил. Сколько он играл? Иногда забывал спуститься в кафе. Когда вспоминал, даже за столиком, машинально откусывая от бутерброда, продолжал играть. Впрочем, почти все постояльцы, заработав коины и придя сюда, делали то же самое – отдавали их Бродилке, играя за соседними столиками. В этом был смысл.

Как долго он играл – не помнил, сколько дней после возвращения из странного места со странными людьми делал это – не знал. Но однажды почувствовал невероятную усталость, отбросил джойстик и посмотрел в окно. Голова болела, мозги сводило, веки дергались, к глазам приливалась кровь, сердце бешено колотилось. Понял, что пора остановиться. Игра тоже не терпит усталости. Ей нужны молодые

руки и мозги, здравый смысл и хорошая реакция. Но он устал. Значит, нужно отдохнуть. Есть психи, которые играют до конца. Так называют тех, кто не может остановиться. Потом наступает этот конец. Он не раз видел, как совсем еще молодые парни или девчонки неожиданно падали, потом лежали без движения. Они еще дышали, могли вращать глазами, пытаясь что-то сказать. Лица их были перекошены, искажены замершими гримасами, словно, свело мышцы. Что с ними делать – никто не знал. Их оставляли в покое, а спустя какое-то время они закрывали глаза навсегда. Тут же появлялись мелкие, из тех, кто не сторонился такой работы. За приличную горсть коинов они вывозили тела на окраину города в специальные места. На заработанные крохи покупали немного еды и тоже играли, пока не обнулялся счет. Потом начинали все с самого начала. Так жили все. Но у Стайера на счете была огромная сумма, поэтому нужно думать головой и вовремя прекращать игру.

Он долго смотрел в окно. Потом зачем-то стащил шлем, который тут же заверещал. Да, заткнись ты! Больше не горели лампочки, не светились аватарки друзей, не бряцали в волшебном перезвоне коины. За мутным пыльным оконным стеклом начинался новый день. Стайер подошел, открыл окно. Было еще очень рано и совсем не жарко, хотя лето было в разгаре. Прохладный ветер, ворвавшись в комнату, освежил. Окно с отчаянным скрипом затанцевало на петлях, исполняя незнакомую мелодию. Зарождался рассвет, таин-

ственный и тихий. Город спал. Улицы были пусты. Где-то на окраине в предутреннем тумане одиноко застыли брошенные городские строения, дома, сгоревшие лачуги. За ними начинались поля, покрытые высокой травой, там были озера, речки, высокое небо. А где-то далеко находился город, который был совсем другим, люди в нем тоже были другими. Они не носили шлемов... А, значит, не ведали, что такое игра! Прикольная игра – где ты можешь и должен победить! Ведь больше ничего нет!

Он оставил окно открытым и упал на диван. Уснул мгновенно. Сколько спал – не помнил. Когда очнулся, любимый шлем был на голове, а Бродилка жила полной жизнью. И друзья, подруги, подписчики – все-все были вместе в этом чудесном мире, который создавала сеть, где он был не один, всегда зная, что ему нужно делать...

Через несколько дней свалилось долгожданное сообщение: «В городе Чужой!», и Стайер понесся за врагом, а за спиной на поясе у него была повязана бита. С тех пор, как он стал охотником, никогда с ней не расставался. Он снова в игре! Голограмма показывала расположение игроков. С каждым разом их становилось все больше. Эта была самая популярная игра в сети. Многие стремились в нее войти, стремились заслужить право на ношение биты. А потом, если повезет, побеждать и получать заслуженные коины и славу. Поэтому игра притягивала все новых конкурентов. Снова крики из наушников, снова он стремительно летит навстречу врагу. Да, врагу! Так говорит Бродилка – значит, так и есть. Иначе кому же верить? Глазам ненормального Чужого? Конечно же, нет. В этот миг за ним наблюдают тысячи, весь город! Тысячи верят в справедливость правил – а тут какие-то глаза. Волновало одно – будет ли он сегодня первым?!

Цель все ближе. Она мечется уже в соседнем квартале. Другие охотники неподалеку. Но на этой улице есть место, где можно срезать. Это его любимый конек. Вопреки подсказкам навигатора он всегда находит лазейки, тогда путь сокращается во много крат. У Стайера был особенный нюх, благодаря которому он научился побеждать. А Шакал? Где ваш Шакал? Вот он – ближе всех к цели! Идет курсом, ко-

торый подсказан. Глупый Шакал, вон стена, через которую можно перелезть, и цель окажется прямо перед тобой. Жирный ленивый Шакал! Ты даже не знаешь об этом!

И вдруг подумал:

Цель? Почему он Чужого назвал целью? Раньше ему было все равно, как его называть. Да и не думал он об этом. Главное дистанция, маршрут...

Осталась всего сотня метров, и он окажется первым. Он будет у цели!... Снова цель? Чужой – так будет вернее. А если тот окажется с непокрытой головой? Если он снова собьет с него шлем?

Стайер на мгновение замешкался. И тут крики фанатов возвестили об окончании игры. Первым пришел Шакал. Жирный ленивый Шакал! Но это невозможно! Стайер ничего не понимал. Он должен был его опередить! Но, поверженный Чужой лежит на асфальте, а Мезонки его добивают...

Стайер стоял в толпе игроков, наблюдая за тем, как ликует Шакал, косясь глазами в уголок экрана, где волшебными струйками сыпались коины. Мезонки закончили работу. На Чужаке надет шлем. Его тело растекается по мостовой. Как всегда оно безобразно. Глядя на такое чудовище, невозможно не захотеть поймать его и уничтожить. А вот и мелкие. Они с радостью грузят то, что осталось от Чужака на тележку. Сейчас они отвезут эту нечисть на окраину города, и получат от родной Бродилки щедрый куш. «В вопросах жизненно важных для нас она сделает все», – вспом-

нил Стайер слова старика из тех. помощи. А избавить город от Чужого – вопрос жизненно важный. Но, почему он не победил?!

За короткий период прошло еще несколько игр, Стайер не выиграл ни одну. Охотники обходили его снова и снова. Чужих в этом жарком месяце появлялось все больше. Откуда они брались, куда бежали, зачем? Это было неважно. Почему он не может победить?! Не может всех обогнать?! Вот, что мучило его. И однажды он понял, что делает это нарочно. словно какая-то сила заставляла его притормозить, когда цель была так близка. вспомнил ворон, которые однажды за ним следили, не понимая, что с этим странным типом происходит. А он и сам не понимал. Тогда у его ног топталось маленькое глупое существо. Стоило запустить камнем, тупые маленькие глазенки предсмертно на него уставятся, а в них застынет вопрос... Проклятый вопрос – «Зачем?». Стоп! – понял Стайер. – Так дальше нельзя. Он должен справиться с наваждением. Он слишком много думает – это мешает. Нужно отбросить все лишнее, ненужное. Пора побеждать, иначе скоро, как мелкие, он пойдет разгружать еду или вывозить тела, а над ним будут смеяться. Вся Бродилка! Весь город! Потом закончатся коины, и даже приличной игрушки будет не на что купить. А это уже беда! Зачем тебе их глаза?! Возьми себя в руки, парень! – подумал он и принял верное решение – ближайшего Чужака он должен догнать.

Он обязан его завалить. Пусть тот будет без шлема, хоть без штанов – наплевать. Нужно возвращаться в игру, и главное – больше никогда не снимать шлем. В этом смысл!

Стало спокойно и легко. Труден момент принятия решения, дальше дело за техникой. Оставалось ждать.

И снова гонка, снова раскаленный ветер обжигает, бьет в лицо, ноги сами несут к заветной цели. К цели? К Чужому! «В городе появился Чужой, следует догнать его и уничтожить!», – так написала Бродилка. Это закон. Правило сети – единственный закон, по которому стоит жить, и он сделает это! На навигаторе Шакал завис позади, остальные ребята еще дальше. Все, как всегда. А еще дивное упоение бегом или даже полетом! Да, полетом! За плечами крылья! Остается преодолеть последнюю сотню метров, пробить деревянное окно, которое будет под ногами. Ничтожное, маленькое окошко. Туда не пролезть жирному Кабану, а он проберется. Пробежать по подвалу, и вывалиться с другой стороны дома прямо перед Чужаком. Ничего не ждать, не смотреть, не думать, сделать бросок – и ты снова будешь первым, будешь навеки в игре, в сети...

Стоп! Что-то не так! Сегодня что-то пошло по-другому. Дело не в охотниках, ведут они себя, как обычно. Тогда в чем? И вдруг понял – дело в Чужаке. Посмотрел на экран, где навигатор показывал расположение врага. С момента начала игры тот не сдвинулся ни на шаг. Окно от удара ноги с дребезгом разбивается, Стайер в подвале. Мгновение –

и он преодолевает длинный пустой зал, вот и окно с противоположной стороны, в которое нужно пролезть. Его даже не нужно разбивать – оно открыто. Окно, словно, приглашает сделать последнее движение. Можно не вылезая, бросить битую прямо отсюда. Бросить и легко попасть... Но, почему Чужой не шевелится? Такое невозможно. Может, он уже погиб? Может, кто-то из фанатов-зрителей ради забавы испортил игру, догнав его первым? Тогда он свое получит, это не по правилам – в любой игре нужно их соблюдать, не нарушать, не лезть в чужие дела, иначе наступит хаос. Стайер выбрался из подвального помещения и замер...

Чужак сидел на поваленном дереве, никуда не убегая. Он был жив, иначе давно бы упал – мертвые так не сидят. Но, что с ним не так? На Чужаке нет шлема. Какая разница?! Для себя он все решил. Он не будет смотреть в глаза, просто сделает бросок. Но, почему тот сидит? Кажется, Чужак на него смотрит. Да, смотрит! Ну и что? И тут, неожиданно для себя, Стайер сорвал с головы шлем...

Перед ним была женщина преклонных лет – ровесница старушки Клюквы. Она сидела на стволе поваленного дерева и спокойно на него смотрела. Во взгляде не было страха, мольбы о пощаде. Удивительное спокойствие застыло на ее лице. Но было что-то еще в этой женщине, что не укладывалось в голове. Незнакомое, непостижимое. Что? – снова подумал Стайер. И вдруг понял – под просторной длинной рубахой на уровне пояса просматривался предмет. Был

он огромных размеров. Женщина что-то прятала на животе. Это нечто казалось большим и овальным. Стайер ничего не понимал. Такое он видел однажды – было это в странном городе, куда он по случайности ненадолго заехал. Там по улице шла женщина с таким же предметом на животе. Наверное, она чем-то больна – подумал он тогда. И снова уставился на цель. Поражало спокойствие жертвы. Неужели она не понимает, что сейчас произойдет? Что с ней сделают?! Нужно что-то делать! Что? Бросать битую он не мог, надевать шлем не хотел. Так эти двое какое-то время друг на друга смотрели. И тут женщина заговорила. Голос ее был тихим, глухим, но спокойным. Было видно – для себя она уже все решила.

– Мальчик, надень шлем, – произнесла она.

– Зачем? – вырвалось у него. А шлем громко подтвердил: – «Немедленно наденьте шлем»!

– Так тебе будет легче, – ответила она.

– Зачем ты выходила из города? – спросил он. – Зачем ты сделала это?

– Я никуда не выходила, живу здесь всю жизнь. Просто они меня нашли.

– Кто?

– Шлем надень, – повторила она.

Эта женщина ему помогает, – понял Стайер.

– Ты debil? – послышался голос Шакала. Тот стоял рядом и ничего не понимал. – Кончать будешь или нет?

Стайер промолчал.

– Ослеп? Чужой перед тобой?! Навигатор глючит?

– Это женщина, – пробормотал Стайер.

– Придурок, это Чужой! Давай, мелкий, бросай.

А вокруг уже собралась толпа игроков. Снова все на него смотрят, снова подбадривают. Как те вороны. Но эти – люди! Только в шлемах.

– Беги, – вдруг услышал он голос женщины. И тут понял – это единственное, на что он сейчас был способен.

Стайер побежал. Он мчался так, как ни делал это никогда раньше. Шлем не надевал, оттуда слышались свист и улюлюканье, а ноги несли все дальше. Очень скоро затерялся в незнакомом дырявом районе, плюхнулся у стены дома в серую пыль. Долго лежал на спине, смотрел на узкую полоску неба, пробивавшуюся между домами, по которой плыли облака. Небо было голубым, облака белыми. Солнце. Оно слепило глаза, было красным. Или тоже белым? Невозможно было его разглядеть – слишком ярко оно светило. Как хотелось забыть эту гонку, не вспоминать. Вид неба помогал, успокаивал. Играть не хотелось. Было тошно. Интересно, что та женщина прятала под рубахой? С чем в последние минуты она не хотела расстаться?

Постепенно пришел в себя, нацепил шлем. Тот безупречно работал, все было хорошо, все было, как всегда. Но, что это? Внизу черными буквами мигало системное сообщение: «Вы нарушили правила. Неоправданно вышли из игры. Ваш

счет обнулен». Смотреть на количество оставшихся коинов он не стал – все было понятно и так.

Потом он долго слонялся по незнакомым районам. Незнакомым, потому что снял шлем, сунув его в карман. (Тот ему отчаянно мешал.) А теперь озирался по сторонам. Раньше этот город, улицы, деревья, проваленные глазницы разбитых окон, солнце, небо – все помещалось на поверхности голограммы. Было в плоскости, на расстоянии вытянутой руки. Сейчас появился объем. И каким бы неряшливым, безобразным он ни был – это был город, где он вырос, жил, с которым знакомился заново. Интересно, столько лет он его не видел, словно находился в коробочке, кричащей, подсказывающей, что нужно делать, а теперь оказался один на один с огромным миром, где был совсем один. Но надевать шлем не собирался. Играть тоже. У него не осталось коинов, впрочем, сейчас его это не волновало. Если вспомнить, за какую работу он их получал. Вспомнить глаза Чужих. А та женщина правил не нарушала, она не выходила из города. Он ей абсолютно верил. Но, кто тогда перевел ее в статус Чужого? Кто дал команду уничтожить, назвал ее врагом? Если все так просто, каждого можно назвать врагом? Кто этот человек? Он затаился в городе, живет на одной из улиц, ходит вместе со всеми в забегаловки и принимает такие решения? Интересно посмотреть ему в глаза...

И снова Стайер с любопытством озирается по сторонам. Повсюду нагромождения кирпича и бетона, останки после

пожарищ. В этом месте давно никто не жил. Кое-где сохранились номера домов. Вот – 68-я. Надпись сделана на табличке, прибитой неумелой рукой. Табличка едва держится на одном гвозде. Он зачем-то взял камень и запустил в нее. Не попал. Бросал еще и еще. Наконец, табличка с металлическим лязгом плюхнулась на мостовую. На месте, которое она прикрывала, появилась надпись: «ул. Клода Дебюсси». Он ничего не понимал. И вдруг стремительно помчался, углубляясь все дальше в незнакомый лабиринт заброшенных улиц. Швырял камни или ломиком, найденным на дороге, сбивал все таблички подряд, под которыми находил незнакомые названия. Что это? Имена? Чьи? Почему такие странные? Почему он ничего об этом не знает? В городе, где он прожил всю свою жизнь, находился какой-то другой город? Кто заколотил эти названия, спрятав от глаз людей? Не поленился найти огромное количество табличек, гвоздей, дорожную краску и скрыть все это под простыми номерами?

Не заметил, как оказался в знакомом месте. Здесь он был пару недель назад. 78-я. Интересно, как она называется? Здесь припарковался автобус. А вот странный дом, конусом уходящий в небо – называется «Собор». Стайер остановился. Зачем делал это, не осознавал, понимал одно – он должен проникнуть внутрь. Обошел здание, ни одного окна не обнаружил. Приблизился к массивным воротам. Они были деревянными, с металлическими полосками, прибитыми большими гвоздями-клиньями. Все было сделано давно

и на совесть, разломать такую конструкцию будет сложно. Невозможно! Сжечь? Даже думать об этом себе запретил. Ведь не зря чьи-то умелые руки создали преграду, закрывающую проход в загадочный дом. Ключа в массивной скважине не было. Интересно, какого он размера? Ключ был у парня из автобуса. Хотя, может быть, тот умел вскрывать такие замки. Тогда он этого не увидел – сразу же сбежал. Впрочем, сейчас это не имело значения, главное попасть внутрь. Еще раз, обойдя высокое здание, к которому не примыкали другие строения, обнаружил маленькую дверцу. Она тоже была сделана из крепкого дерева, но петли поизносились, и ему удалось ее приоткрыть. Протиснувшись в узкий лаз, он переступил высокий порог, сделал несколько шагов и остановился...

Первое, что почувствовал – необычную прохладу. На улице стояла жара, здесь было хорошо. И тишина. И темнота. Пока глаза привыкали, стоял, вслушиваясь в окружающий сумрак. Наконец, заметил тусклый свет, и ноги сами повели в нужном направлении, наткнулись на ступеньки, подняли на этаж выше. Здесь было освещение. Исходило оно из причудливых окошек, расположенных на самом верху. Снаружи он их не заметил. Было тихо, спокойно. Не было лестниц, этажей, не было комнат. Пространство ограничивали стены, поднимающиеся на высоту, образуя просторный зал. Стайер замер, не решаясь двинуться с места...

И вдруг понял, кроме него здесь есть кто-то еще. Он

чувствовал это спиной, глазами, не привыкшими к скупому освещению, казалось, слышал непонятный шорох. Сделал шаг в сторону. Тот гулко отозвался в тишине. Здесь никого нет, это невозможно. Невозможно скрыть шум шагов в этом странном помещении. Если только уметь летать. Но кем для этого нужно быть? Птицей? Заметил на стенах изображения. Снова картины?! Они молчали, потому что не умели говорить. Но, кто-то все равно здесь был еще. Бросил взгляд на одну из картин, на другую. На них были нарисованы люди. Иногда в тоненьких рамах помещались только лица. Глаза! Они пристально на него смотрели со всех сторон. Их было так много, а он оставался один. Не может здесь быть никого, кроме этих людей на стенах, которые казались живыми. Стало жутко. Сделал несколько шагов – снова предательский гул в кристальной тишине. Прошел дальше, уже почти бежал вдоль стен и везде эти люди, их глаза! Захотелось скрыться в темноте провала, где находилась маленькая дверь, впустившая его сюда, вырваться на волю. Вдруг понял, что чувствуют Чужаки, которых настигают, когда они уже находятся в окружении, а выхода из западни нет. Холодный пот проступил по всему телу. Он неприятно леденил спину. Что это за место?! Квест? Чей? Кто его придумал? Он ничего о нем раньше не слышал. Бродилка никогда не приводила сюда игроков. Значит, выхода нет?! Зброшенный квест, где он останется навсегда?! Зачем он забрался сюда?! Нужно бежать! Скорее! Ноги парализовало, становилось дурно, тем-

ное пространство высокого строения всей своей массой навалилось на него. Так вот почему там висели огромные замки! Это место круче любого квеста. Допрыгался?! Это конец?!...

И тут чей-то взгляд надолго приковал его внимание. Он замер, не знал, сколько времени прошло. Вечность. Время остановилось. Явились новые ощущения. Они были необычными. Такого он не испытывал никогда. Вдруг показалось, что он слышит чьи-то слова.

Не поверил, прислушался, он точно это слышал:

– Здесь тебе не грозит опасность.

С картин, висевших рядом, незнакомые люди молчаливо подтверждали эти слова. Он оцепенел. Все эти люди были в странных одеждах. В городе никто так не одевался. Их лица, руки, тела были чисты, никакие росписи их не покрывали, никто не украшал себя тату. Но главное – глаза. Они тоже были необычными, другими. Словно все эти люди жили где-то далеко и совсем по-другому. Как нужно жить, чтобы так смотреть? Не было праздности или равнодушия, злобы или обиды, раздражения. Ведь его не звали сюда. Он без спросу явился. Не было издевки, стеба. Типа – ну ты попал, братан. Радости тоже не было, как не было грусти, жалости, тоски. Тогда что? О чем думали они? Кажется, называется это мудростью, – вспомнил он странное слово. Именно мудрость застыла во взглядах этих людей. Нет, не застыла. Глаза ожидали. Они хотели что-то сказать, но почему-то молчали. Ка-

залось, они ждали чего-то от него. Хотели, чтобы он что-то сказал? Или сделал?

– Что вам надо?! Чего вы хотите?! Что я должен сделать?!

– Искать дорогу! – слова эти возникли неожиданно. Они не были подсказаны шлемом, который покоился в кармане и почему-то давно молчал. Эти слова преследовали его все последнее время, и вот он снова слышит их, но звучат они в этом месте совсем по-другому. Уже сводят с ума. Показалось, что человек на картине, от которой он долго не отводил глаз, кивнул. Человек отличался от остальных. Был он босым, длинные волосы ниспадали до плеч, одет он был в странную одежду, ступни его прикасались к грубым булыжникам мостовой. Видимо, в жизни исходил он немало дорог, по глазам было понятно, что многое повидал, передумал. Много знал. Что знал? А еще он многое сделал...

И вдруг стало легко. Он почувствовал себя уверенно рядом с незнакомыми людьми. Понял, что они не причинят ему вреда. И это не квест. Такое в городе не под силу никому. Но если это игра, то кто создал ее?! Кем нужно быть, чтобы такое придумать?! Все не укладывалось в голове, выходило за пределы сознания, разума. Это... космос?! словно он нечаянно залетел на другую планету. Вспомнил игры с внеземными полетами, цивилизациями, войнами. Нет, не то! Бродилка с играми и правилами в этот миг казалась ничтожной и жалкой. А здесь... Здесь было необычайно хорошо. Захотелось остаться, не уходить, не надевать больше шлем,

не играть. В этом месте было чисто, прохладно и удивительно спокойно. А еще он чувствовал, что каким-то непостижимым образом эти люди ему помогут. Даже если он выйдет отсюда, где бы потом не находился, не дадут его в обиду. Главное, помнить о них, верить, тогда все будет хорошо.

– Остаться? – пробормотал он. Вдруг услышал:

– Нет.

Голос шел ниоткуда. Вернее, из... глубины души. Душа? Он никогда не слышал этого слова, он не знал его значения и знать не мог, но сейчас понял – у него есть душа. И это не руки, не тело, не голова, не глаза. Но это нечто присутствует в нем, находится где-то рядом. Да, рядом! Оно неотрывно с ним связано. Это тоже Я? Другое Я! И этому второму хочется... Невероятно! Ему хочется сказать – Ты. В этот миг он ощущал, он чувствовал его. Почти касался. И понял он это здесь, в странном доме, на котором висели крепкие замки, а окна выходили в небо. Остаться? – снова подумал он.

– Нет, – повторил голос.

– Почему?

– Иди искать.

– Что?

– Твою дорогу...

– А...

– Мы будем рядом...

– Понял... Хорошо...

Он неуверенно отступил на несколько шагов, а глаза незнакомца провожали его. Вдруг остановился. Понял, что ищет повод задержаться, хотя бы ненадолго. Нужно о чем-то спросить. Он еще не все узнал.

– Слушай, а дорогу куда? – крикнул, но в ответ тишина.

– Что я должен сделать?!

Эхо. В ответ только эхо, которое отражалось от высоких стен, затухая где-то на высоте, откуда проникал солнечный свет.

– То, что останется, – вдруг услышал он.

– Где?... Для кого?... Ты слышишь меня?... Почему ты молчишь?

Но душа молчала, а глаза со стен на него внимательно взирали...

Снова дырявые улицы, кварталы обгоревшего битого кирпича и стекла, номера домов, птицы, вороны, высокая дикая трава. Кошки, собаки, люди в шлемах. (Стайер пока его не надевал – не хотелось.) Так вот какие вопросы появляются, когда ты его снимаешь. Но, как на них отвечать?

«ОСТАВИТЬ»? Кому? Для чего? Что? Нет, не так... «То, что останется» – сказали ему. Значит, останется потом. Когда? После того, как тебе дадут арматурой по голове? Вспомнил женщину – последнего Чужого. Она тоже хотела что-то оставить? Сделать ей этого не дали. Что оставит он? И почему нужно что-то оставлять, когда тебе за это никто не скажет спасибо, не отсыплет коины, не поставит ничтожный лайк.

Ага! Щас! Вы что-то оставили? Что? Зачем? А потом вас нарисовали на этих стенах. Что это за игра – «оставить», какие у нее правила? А если не игра? Вопросы сыпались один за другим, но на них не было ответов. Задать их сети? Но опомнился – в Бродилке на такие темы не говорили, никто из людей в шлемах об этом не думал, такое было невозможно. Еще вот что было интересно – в городе находилось много таких домов, по меньшей мере, десятка два или три. Кто закрыл их, а потом спрятал ключи? Кто скрывает от людей картины, незнакомые лица, эти глаза. Зачем? Кто отдает команды в сети, присваивает статусы? Может надеть шлем?

...

С неба обрушился шквалистый ливень. Стайер уже долго брел по городу, сам не зная куда, и не заметил, как черная туча закрыла небо целиком. Небо, которое просматривалось между домами. Эту черную тучу он и не заметил. Если бы на нем был шлем, тот предупредил бы, посоветовал, указал место, где находится ближайшее укрытие. А тут дождь, настоящий, и он один посреди незнакомого пустыря никуда не мчится, не убегает, стоит себе, задрав голову, наслаждаясь прохладой. Зачем-то пьет эти небесные капли! Ни в каком баре такого не нальют, даже в кварталах у богатеньких, где есть вода, не попробуешь такой из крана. Здесь она была. Вода с неба! Шлем надеть?! Нет!

Шел дальше, уже не разглядывая дома нового, незнакомого для него города. Теперь его интересовали люди. Так за-

брел на оживленную улицу, где сновало много парней и девчонок, попадались старики. В голову пришла прикольная мысль – что если за ними понаблюдать без шлема? И в упор уставился на проходящих мимо парней и девчонок:

Город играл. Все были заняты одним и тем же. По их поведению можно было легко различить, кто в какой игре живет. Зрелище забавляло. Одни решали головоломки, вели себя рационально, спокойно, движения их были скупы. На мгновение иногда замирали, принимая решение, потом делали ход и топали себе дальше. Этот тип что-то бросал, потом ловил, снова бросал. Другие явно за кем-то охотились или что-то собирали, наверное, ездили на тракторе, который перемалывает найденную добычу. Вот придурок явно от кого-то спасается. Он до предела напряжен, прошел уже не один уровень, до финала совсем немного, и тогда он победит, но на пути встречаются все больше пираний, которые норовят в него вцепиться, откусить, сбросить на уровень ниже и выкинуть из игры. Тогда придется начинать все с самого начала! Поэтому он как уж извивается. А эти заняты погоней – стреляют, уворачиваются, снова стреляют. Таких большинство. Мелкие предпочитают гонки. Щеки их раздуты, в этот миг они сидят на новеньких виртуальных мотоциклах, преодолевая трассу. А что делает этот старик лет тридцати? Он важно замер посреди улицы, о чем-то размышляя. Наконец, делает небрежный жест рукой... Понятно! Куча коинов прилетает на выбранную цифру. Он только что сделал став-

ку. Рулетка или покер. Это Игрок!

Стайер стоял, внимательно наблюдая за людьми. Они извивались, как медузы или змеи, делали нелепые движения, подпрыгивали. Слетая с уровня, топали ногами, ругались, в отчаянии стуча кулаками по стенам, наконец, успокаивались, начиная с самого начала. А ведь когда он играет, выглядит точно так же, – вдруг подумал Стайер. Вот какой-то тип шагает прямо на него. Он больше ничего не замечает, свернуть с дороги не может, потому что потеряет направление – видимо, обходя препятствия, плывет. А Стайер для него помеха. Значит... Тип в него врежется.

– Полегче! – смеется Стайер.

– Мешаешь, – коротко бросает тот, продолжая плыть.

– Чего сказал? – не понимает Стайер.

– Тресну, мало не покажется!

Стайеру смешно, но он хочет досмотреть эту игру до конца.

– Очнись, чувак! – и дергает парня за локоть.

– Эй, фуфел тряпичный! Совсем берега попутал? Краев не видишь?... Блин! Черт! Блин! Профиль тебе начистить?

– Что не так?

– Что?! Слетел из-за тебя!

– Смотреть надо, куда катишься, – смеется Стайер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.